

КУРЬЕР ЮНЕСКО

ИНТЕРВЬЮ С
ФРЕДЕРИКОМ РОССИФМ

*в поисках
прошлого*

ВОССОЗДАВАЯ
БЫЛОЕ

МАЙ 1990

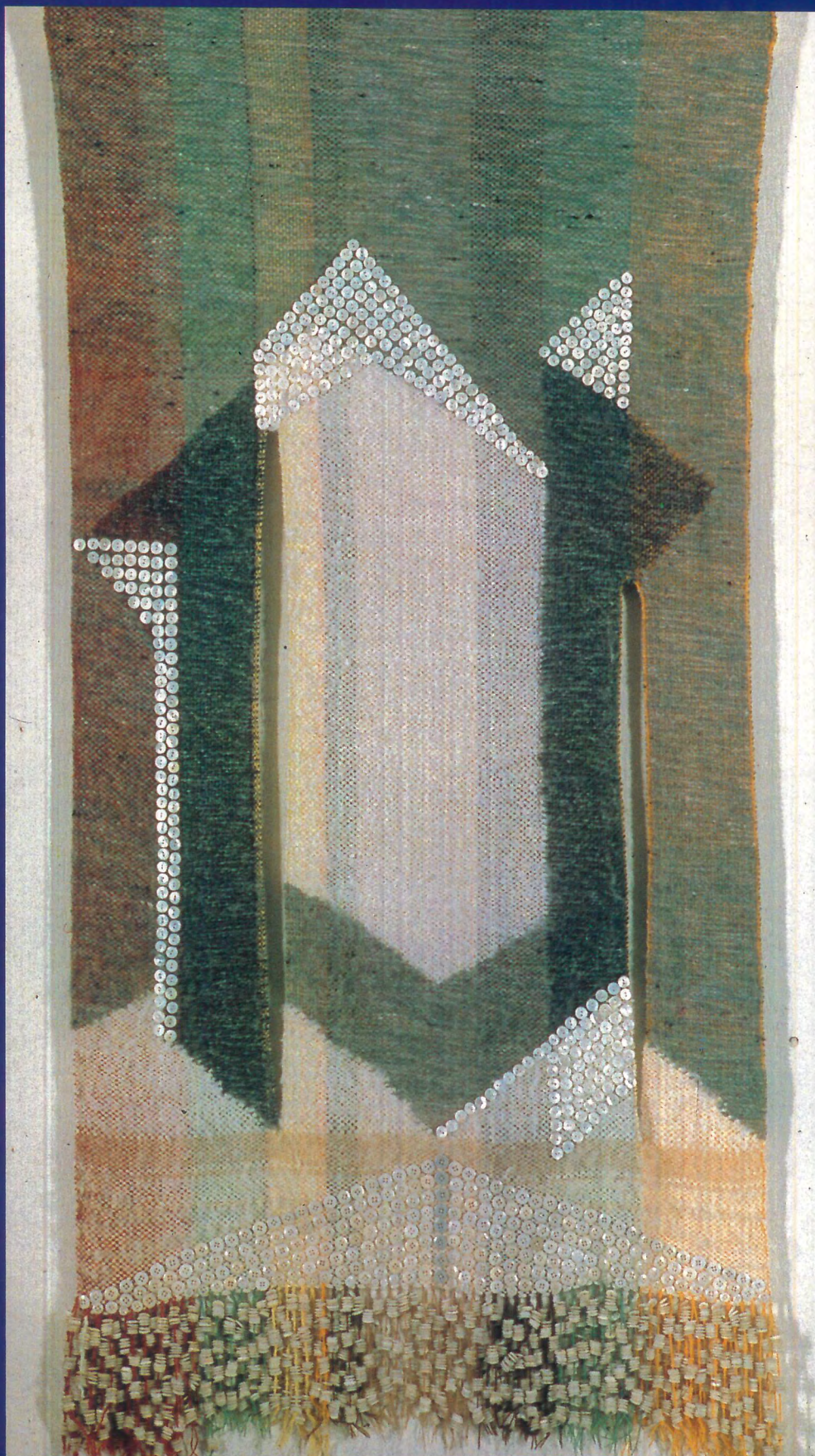
встреча культур

Дорогие читатели! Просим вас присылать нам фотографии произведений, достойных, с вашей точки зрения, публикации на этой странице. Это могут быть произведения живописи или скульптуры, фрагменты памятников архитектуры или любые другие объекты, которые служат примером слияния культур. Вы можете также присылать фотографии двух произведений искусства разных культурных ареалов, между которыми, на ваш взгляд, существует связь или сходство. Просим снабжать фотографии подписями.

Графическая связь

1982 г. Гладкотканая основа с шерстяной и синтетической нитью, перламутровые пуговицы (85 x 178 см). Мари и Пьер Дион.

На этом гобелене художники из Квебека изобразили мужскую голову в треуголке. Благодаря изобретательности и вдохновению авторов произведение отличается большой оригинальностью. Выполненное в лучших традициях квебекской школы, с помощью классических и современных материалов, оно представляет собой сочетание кубистской манеры изображения пространства и мотивов, навеянных английскими церемониальными костюмами, украшенными множеством перламутровых пуговиц.

Сегодня не осталось неисследованных континентов, неизвестных морей и таинственных островов. Мы научились преодолевать физические препятствия, стоящие на нашем пути, но не разрушены еще барьеры взаимной отчужденности, разъединяющие народы и культуры.

Современным одиссеям доступен любой уголок света. Но ныне гораздо сильнее манят путешествия иного рода — в мир других культур, жизненных укладов и ценностей.

Именно в такое путешествие приглашает своих читателей «Курьер ЮНЕСКО». В каждом номере авторы из разных стран будут освещать с различных культурных и профессиональных точек зрения одну из тем, представляющих всеобщий интерес. Компасом в этом странствии по культурам мира будет уважение ко всем народам.

11

**В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО
ВОССОЗДАВАЯ БЫЛОЕ**

ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ <i>Франсуа Артог</i>	12
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ГЕРОДОТА <i>Кармине Амполо</i>	16
ФУКИДИД Летописец быстротечной жизни <i>Пол Картледж</i>	20
ПОД ВЗГЛЯДОМ ИМПЕРАТОРА <i>Хо Датун</i>	21
НЕ УТРАТИВШИЕ ПАМЯТИ Перед лицом своего прошлого <i>Лайонел Кохан</i>	25
Христианство МЕЖДУ ВЕЧНЫМ И ПРЕХОДЯЩИМ <i>Фридрих Вильгельм Граф</i>	30
Ислам ЦАРСТВО ИСТОРИОГРАФИИ <i>Абдесселам Шеддади</i>	35
ВСЛУШИВАЯСЬ В ГОЛОС ИСТОРИИ <i>Богумил Евсивицкий и В. И. Мудимбе</i>	40
ЛИКВИДИРОВАТЬ «БЕЛЫЕ ПЯТНА» <i>Владлен Сироткин</i>	43

4

**Интервью с
ФРЕДЕРИКОМ
РОССИФОМ**

45

**КОРОТКО
О РАЗНОМ...** 45

РАЗМЫШЛЕНИЯ
Кошмары архивиста
Мишель Мело 46

ПОРТРЕТ
Парижские дни
Тахи Хусейна
Шарбель Дагер 48

**ТОЧКА ЗРЕНИЯ
ЮНЕСКО глазами
молодых** 49

1-я стр. обложки: Карнак — крупнейший архитектурный ансамбль Древнего Египта с обелисками царицы Хатшепсут и фараона Тутмоса I.
4-я стр. обложки: Конфуций со своими учениками. Корейская картина XVII в.

Консультант этого номера: историк Франсуа Артог, руководитель отдела в Высшей школе социальных наук в Париже.

Фредерик Россиф

Ты объездил весь мир, встречался с самыми разными людьми. Мог бы ты, исходя из своего богатого жизненного опыта, хотя бы в общих чертах определить, что движет человеком?

— Я бы сказал, человек странствует по жизни в поисках любви. В этой короткой схватке, каким является наше земное существование по сравнению с вечностью, мы, словно солдаты, всегда на марше. Но куда мы идем? Мы хотим найти оазисы, но не для того, чтобы отдохнуть, а чтобы попытаться быть счастливыми. А пустыня дразнит нас миражами и не отвечает нам. И вот мы бредем от миража к миражу, а впереди все та же фата-моргана. В конце пути каждого ждет свой заветный обман: для одних это рай, для других — вечный покой, для третьих — биологическая смерть. Конечно, в безмолвной пустыне жизни встречаются и оазисы счастья — несколько мгновений любви. Но, в конце концов, важны вопросы, а не ответы на них.

На Западе любят повторять слова Вильгельма Оранского III: «Совсем не обязательно иметь надежду, чтобы браться за дело, и успех, чтобы его продолжать». Прекрасно сказано. Однако, поскольку я в кино своего рода белая ворона, мне больше по душе девиз зулусских воинов: «Будешь наступать — умрешь, будешь отступать — умрешь, так зачем отступать?» Я с этим полностью согласен. Зачем покоряться, терпеть унижения, склонять голову перед тираном, если все равно всех ждет смерть?

Ты так легко чувствуешь себя в разных культурах. Похоже, тебя не угнетает, что ты сам не принадлежишь ни к одной из них...

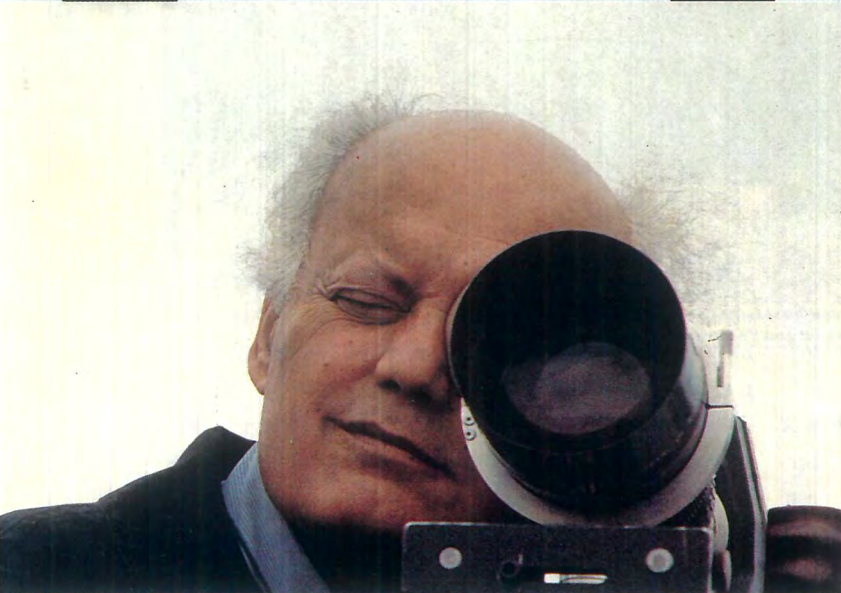
— Просто мои оазисы очень непохожи один на другой. Меня всегда интересовали разные мудрецы, разные миро-

ощущения. Живя на Западе, я не хочу принадлежать только ему. Это все равно что остаться только с одной левой или правой половиной тела, или, как говорил Ортега-и-Гасет, обречь себя на моральную гемиплегию. Знать поэзию Рембо и не знать Вед — все равно что из семи цветов радуги не различать трех или четырех. Веды приоткрыли мне мудрость, уводящую в страну грез. Какие образы! «Вечером, когда битва окончена, разноцветные мотыльки садятся и на мертвых героев, и на спящих победителей». Разве можно глубже и изящнее передать быстротечность времени? А можно понять и так: мотыльки живут всего один день, но существуют вот уже 80 млн лет; выходит, эфемерны не они, а люди. Мотыльки вечны, 80 млн лет они рождаются, чтобы встретить любовь и умереть, но, умирая, каждый раз дают начало новой жизни...

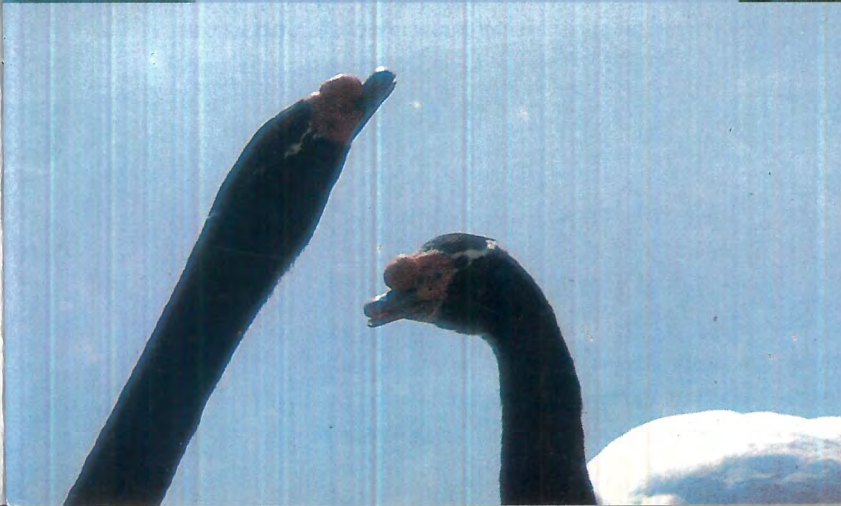
Ты говоришь о жизни, любви и смерти как человек, который сам глядел смерти в глаза...

— Однажды в Иране, во время съемок фильма «Oréas sauvages», мы выслеживали волков. В горах на границе между Ираном и Ираком встречаются замечательные экземпляры этих животных. С вертолета нам удалось увидеть волка и волчицу с выводком. Заметив нас, волк замедлил бег, чтобы отвлечь наше внимание. Я сказал: «Давайте примем игру, летим за ним». Мы сосредоточились на самце, позволив уйти самке с волчатами. Волк всегда жертвует собой, чтобы спасти других. Это самоотверженный и смелый зверь. Неожиданно наш волк резко повернул. Повторяя его маневр, вертолет сделал полукруг и задел за скалу. Мотор стало заклинивать. Нас охватил ужас. Правда, длилось это несколько секунд, но, должно быть, под влиянием страха в мозгу произошла какая-то химическая реакция, вызвавшая странный

Известный кинорежиссер
Фредерик Россиф известен своими
фильмами о животных, такими,
как «La fête sauvage» (1973),
его также привлекает история
(фильмы «Умереть в Мадриде», 1962,
и «De Nuremberg à Nuremberg»)
и искусство («Picasso», 1982).
Он является создателем
и нескольких художественных
кинолент, в их числе
«Aussi loin que l'amour» (1971).
Будь-то картины о людях
или животных и растениях,
они всегда звучат
жизнеутверждающим гимном земле,
воплощенной у него
в поразительных образах.

эффект: за эти секунды передо мной прошла вся моя жизнь, причем невероятно медленно и удивительно подробно. Это было какое-то иное ощущение времени.

Смерть и разноцветные мотыльки — это ведь было в одном из твоих самых известных фильмов — «Умереть в Мадриде».

— «Умереть в Мадриде»... Давно это было. Этому фильму сильно досталось, когда он вышел на экраны. В первую очередь, конечно, от крайне правых, но и крайне левых тоже. Одним словом, от всех, кто видит в жизни лишь черное и белое, кто не желает признать, что даже в последнем негодяе можно вызвать проблеск поэзии, нужно только суметь поймать подходящий момент. К счастью, правда жизни многоцветна. История — не идеология, поэтому в любой исторической ситуации множество тонких нюансов и контрастов.

Да, нельзя все делить на черное и белое, но в некоторых твоих фильмах черного как раз в избытке...

— Нужно попытаться объяснить самые темные стороны жизни, например восхождение нацизма и страшную инфляцию тех лет: кусок хлеба тогда стоил миллиарды марок. А еще унижение. Достоевский утверждал, что тот, кто сам ужасно страдал, способен на ужасные поступки. Сбрасывая со счетов это накопившееся унижение, люди вот уже пятьдесят лет не могут понять причину возникновения нацизма, а в наши дни разобраться в проблеме терроризма. Унижение — одна из причин того, что люди перестают ценить собственную жизнь. Они не просто готовы рисковать ею, она вообще для них ничего не значит. Унижение — та неосяза-

Историческая фотография Беззащитного Буйвола и Буффало Билла, которую Фредерик Россиф использовал в своем документальном фильме «Pourquoi l'Amérique?» (1970).

емая сила, которая веками мешала народам Востока и Запада шагнуть друг другу навстречу.

Хорошо бы снять фильм об истории этого унижения. Только вот как его воспримут по обе стороны этой неосознанной границы?

— Никогда не знаешь, что показывают стрелки на невидимых часах истории; так и с публикой — невозможно предугадать, что ей может понравиться. Французский ученый и писатель Фонтенель выразился иначе. Когда у него, столетнего старца, лежащего на смертном одре, спросили, чувствует ли он боль, он ответил: «Никакой, кроме боли быть живым. Мне трудно существовать». А еще он как-то заметил, что собравшиеся в театре 999 человек средних умственных способностей вместе оказываются умнее одного гения, потому что объединяют свои усилия, чтобы понять. Фонтенель полагал, что способность чувствовать и понимать у публики удесятерится, что существует некая тайна коллективного разума, помогающего каждому зрителю лучше понять нюансы спектакля, когда любовь одного переходит в любовь другого, когда твои эмоции вызывают бурю в груди соседа. Такое внутреннее единство возникает порой и в более сложных ситуациях. Во времена крестовых походов во Франции был великий проповедник святой Бернар. Он говорил на латыни, люди не понимали его слов, и тем не менее многие отправились в поход к опустевшему гробу.

В 50-е годы, когда египетский президент Абдель Насер часами выступал по радио, его тоже никто не понимал. Но металлический тембр голоса в сочетании со звучностью арабской речи рождал некую музыку, разносившуюся ветром по пустыне и побудившую его соотечественников идти воевать за другую могилу. Такая форма коллективного восприятия питает и религию, и драму.

Вернемся все-таки к твоей излюбленной области — аудиовизуальным средствам. Что нас ждет здесь в ближайшем будущем?

— Думаю, в новом десятилетии кинематограф и телевидение обратятся главным образом к памяти и истории цивилизаций и просто людей; это наверняка привлечет талантливых актеров, которые смогут сердечно и просто рассказать о том, что чувствуют деревья и животные, об удивительной цивилизации живой природы, веками, тысячелетиями окружающей нас. Одним словом, они будут апеллировать к сердцу и памяти, что должно понравиться публике гораздо больше, чем подражание «американской модели», кстати, уже практически изжившей себя.

А что это за «американская модель»?

— На телевидении — это передачи, представляющие собой смесь шоу с телеигрой; публику привлекают примитивнейшим средством — денежным выигрышем. Все это рассчитано на людей жадных и ограниченных. Другой пример чисто американской продукции — сериалы типа «Далласа». Чего тут только нет: и бедняки, умирающие с голоду, и потрясающие приключения фантастически богатых миллионеров. Правда, на мой взгляд, этот жанр изжил себя даже в Америке: мерзости героев «Далласа» больше никого не интересуют.

В основе лежит простое рассуждение: «Раз публике это нравится, дадим ей это, если зрители начисто лишены способности мечтать, обойдемся без мечты, лишь бы сидели перед телевизорами как приклеенные». Но сегодня люди вновь научились мечтать, и знаменитая «американская модель» начала понемногу разваливаться. Первыми это осознали сами американцы, поскольку средствами массовой информации там управляют люди, умеющие «держать нос

по ветру». Они раньше других сообразили, что эта жила иссякла, что бесцветные детективы с неперменной автомобильной погоней, обнаженной красоткой и эффектными трюками больше никого не привлекают. Их время прошло. Все это больше не срабатывает: образы и ситуации настолько примелькались, что совершенно не трогают публику.

И как же американцы думают выйти из этого положения?

— Они пытаются вернуться к утраченному уровню культуры и к иным решениям. Это возвращение к Александру Дюма, Вальтеру Скотту, Уильяму Шекспиру. Они вдруг поняли, что у стареющего мира есть своя поэзия. Сердце его становится похожим на зрелый плод, который всегда более нежен и поэтичен...

Не были ли Спилберг и Лукаш провозвестниками этого нового решения?

— Да, именно так. Вспомните «Звездные войны». Это очень красивый фильм, его изобразительный ряд напоминает сюрреалистическую живопись. Спилберг и Лукаш первыми поняли силу легенды, мифа. Должно быть, когда-то люди и животные умели общаться между собой. Во всех культурах — языческих, монотеистических, буддийских — есть одна общая высшая цель: мечта о земном рае. Единственное, в чем все они сходятся, так это в представлении о нем как о месте, где люди, животные и предметы могут разговаривать, где царят мир и взаимопонимание.

Не этого ли искал и ты, делая фильмы о животных?

— В картинах о животных я исходил из мысли, которую высказал французский философ Гастон Башлар: «Животные — извечные спутники наших грез». Это изречение глубоко запало мне в душу еще до того, как я начал снимать кино. Прежде чем человек научился свободно ходить и мыслить, он существовал в постоянном прямом контакте с животными. Они стали первой темой наскальных рисунков, первыми тотемами, они были источником его страхов и радостей, он постоянно видел их во сне; на протяжении тысячелетий пение птиц было единственной музыкой.

По-твоему выходит, что коммуникация — синоним поэзии...

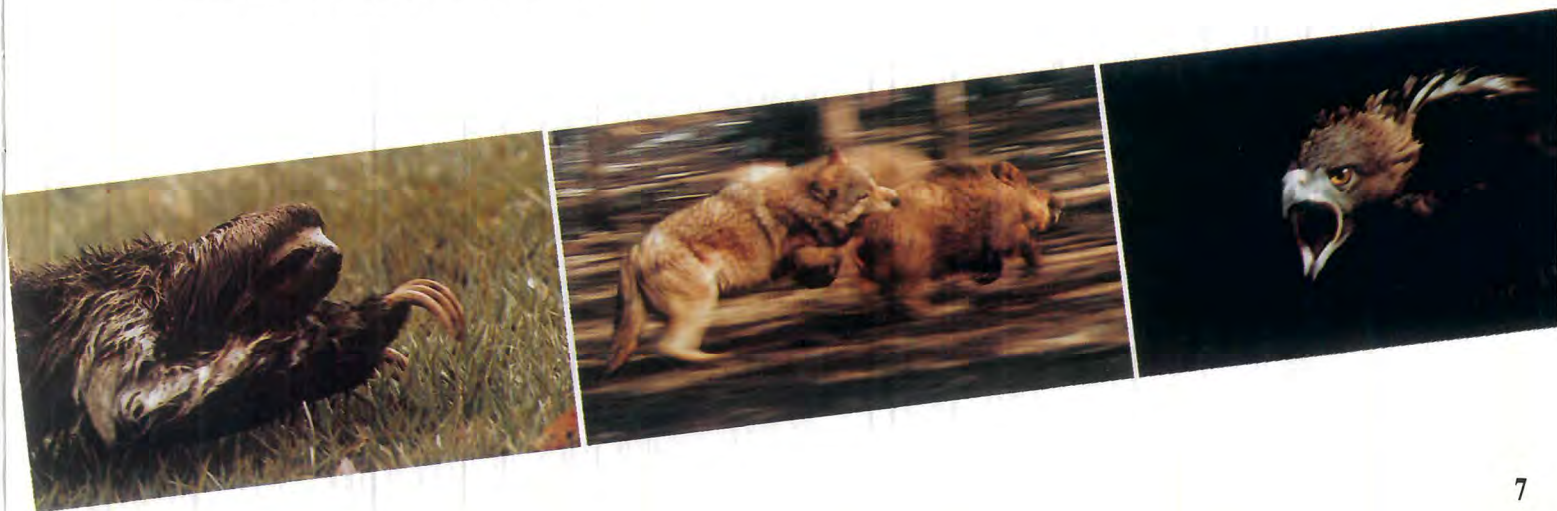
— Коммуникация на уровне мечты, на уровне имманентного становится все более необходимой. Однако нужно сразу добавить: это возможно только в условиях демократии. Как говорил Уинстон Черчилль, демократия — это худшее из государственных устройств, не считая всех остальных. А коммуникация при ней — худшая из коммуникаций, но другой практически не существует. Ведь нам нужна диалектика утверждения и отрицания, вызова и ответа на него, позволяющая определить золотую середину, верное соотношение между светом и тьмой.

К счастью, в последнее время демократия сделала огромные шаги вперед. За счет отказа от примата идеологии. Таким образом, возможности для коммуникации в самом широком смысле слова улучшаются. А вот что происходит с культурой?

— Я бы сказал, что эра идеологий подходит к концу, начинается эра культур... Я имею в виду, что, сбрасывая идеологические оковы, глубинные культуры каждой страны могут наконец воспрянуть. Взять хотя бы демократизацию в Советском Союзе. Она высвободила все скрытые культурные залежи этой огромной страны в различных областях: в прозе, поэзии, музыке и даже в религии. Культуре просто необходимо звучание множества инструментов, чтобы создавать изумительную симфонию воспоминаний и мыслей людей.

А ты не боишься противоречий, нарастания напряженности, ведущей к агрессии?

— Творческий человек всегда идет против течения. Он непокорен. Почему? Потому что он предвидит то, что должно случиться, когда все вокруг него ничего не замечают. Великий творец всегда пророк. А пророк — тот, кто умеет помнить, кто в своей абсолютной памяти читает будущее, потому что знает прошлое. Но повторяю: есть лишь одна агора, где каждому можно вернуть память, — демократия.

Это относится ко всему миру?

— Да, конечно. На севере планеты это движение уже началось, да и на юге, думаю, не задержится. Демократия повсюду рассеет страхи, разрушит запреты, откроет путь всем порывам, всем проявлениям поэзии. Она, наконец, позволит людям мечтать и умирать свободными.

А что ты сказал бы тем, кто считает, что ты слишком витаешь в облаках поэзии и мечтаешь, что ты недостаточно прочно стоишь на земле, а между тем мир полон страданий, потрясений, драм?

— Нет больших реалистов, чем поэты. В 1936 г. Поль Элюар написал: «Земля голубая, как апельсин». Над ним все смеялись. Но, когда первый американский космический корабль «Пионер» сфотографировал Землю, оказалось, что она действительно похожа на голубой апельсин. Элюар опередил космический корабль! Только поэтов и можно назвать реалистами. Они доискиваются до сути вещей.

Помню, я как-то брал интервью у Мао Цзэдуна. Последний мой вопрос был: «Господин Председатель, считаете ли вы, что для Китая коммунизм — политика будущего?» Он ответил отрицательно. Беседа проходила в большом зале Императорского дворца в «Запретном городе», там стояло множество больших кресел, покрытых белыми чехлами. С Мао Цзэдуном были Линьбяо и Чжоу Эньлай. Линьбяо был потрясен ответом, а Чжоу Эньлай и глазом не моргнул — даже в этом была видна разница между этими людьми.

А Мао продолжал: «Знаете ли вы, что такое для нас период в 250—300 лет? Это менее трети периода Тан... Эта династия правила страной тысячу лет». Ответ был красив и изящен. Думаю, что он означал: что такое для нас, на Западе, политическое будущее? Очередные выборы? А для них — то, что будет через три столетия.

Тогда я подумал: как поразительно много может дать свободный Китай всемирной истории и культуре, насколько

глубже может стать наше понимание людей и вещей, обогащенное идеями Конфуция, философией даосизма, мыслями древних китайских поэтов, Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна... Эта важнейшая ветвь древа мировой истории, на протяжении пяти тысячелетий в значительной мере изолированная от остального человечества, теперь предстала перед нами, чтобы мы могли вкусить от плодов ее воспоминаний — этого утраченного и вновь обретенного бесценного сокровища.

И в заключение расскажи, пожалуйста, о проекте тележурнала, над которым ты работаешь совместно с «Курьером ЮНЕСКО».

— Да, мы решили вместе выпускать тележурнал под названием «Диван Шехерезады». Вот уже несколько лет мы обдумываем, обсуждаем планы его создания, но реализовать их пока не удалось. Такова жизнь. Она состоит не только из счастливых браков, но и из безответной любви и упущенных возможностей, или, может, они только кажутся упущенными, а на самом деле просто условия для их осуществления еще не созрели. Но вот наконец час пробил. Необходимость в такой передаче, как «Диван Шехерезады», давно назрела. С помощью рассказа о различных культурах, развернутых репортажей из самых разных уголков нашей планеты, интервью с людьми искусства и учеными, знакомства с сокровищами крупнейших библиотек и музеев, с сотнями чудес света, составляющими общее наследие человечества, наш тележурнал поможет утолить жажду мечты и познания и пригласит зрителей в увлекательнейшее путешествие по континентам культур и океанам знаний. Это будет воистину передача завтрашнего дня, но создать ее мы должны уже сегодня.

В сущности, такая передача просто не может не появиться — время для нее пришло.

Что-то почти помимо нашей воли движет нами, какие-то флюиды, витающие в воздухе, которые обычно называют

общественным мнением. Никто никогда не мог определить, что это такое, но именно это определяет нас всех. Мы интуитивно чувствуем, что такая форма выражения необходима. Доказательства тому мы видим повсюду, и прежде всего в демократическом подъеме, рождающем все более настоящие призывы к творчеству, свободному от «образа врага» и основанному на уважении всех людей.

Всех... Для этого нужно наводить мосты между Востоком и Западом, Севером и Югом. Одним словом, между обществами, созданными европейской культурой и всем остальным миром...

— Именно этих мостов как раз больше всего и не хватает. Вот наш тележурнал и поможет увеличить их число: мы будем переводить всех поэтов, служить усилителем всех там-тамов, с нашей помощью африканская и азиатская музыка найдет дорогу к западным слушателям... Секрет в том, чтобы не демонстрировать тот или иной образец творчества в «чистом виде», а показать его в соответствующем контексте, связав с тем, что поможет лучше понять его. Так, например, знакомя европейскую публику с культурой Индонезии, нужно для начала представить панораму лиц индонезийцев на фоне их излюбленной цветовой гаммы, потом показать вид этой аграрной страны с самолета: она вся разбита на крошечные участки — настоящая абстрактная картина. Потом камера войдет в Боробудур — этот шедевр буддийской храмовой архитектуры, спасенный и восстановленный мусульманами, не пожалевшими на это средств. И наконец, зазвучит гамелан, исполняющий, возможно, самую чарующую в мире музыку. Европейцы без труда последуют

за ее ритмом, несмотря на то что партитура этих произведений необычайно сложна. Если просто, без подготовки, дать послушать запись, она только неприятно поразит слушателя... Это лишний раз доказывает, что любые культурные феномены нужно показывать в их естественном окружении, окутанном поэтическим ореолом, тогда они сразу становятся всем понятны.

Или возьмем, к примеру, танцующих дервишей, живущих в горах Ирана и Ирака. Если вы без всякого вступления дадите пленку, запечатлевшую этих людей, доводящих себя в танце до состояния транса, широкая публика тоже будет шокирована. Но если вы для начала покажете их в обычной жизни, побываете у них в палатках, понаблюдаете за величественной медлительностью аистов в небе, а потом за одиноким волком в горах, который сам находит путь к святилищу, откуда раздается пение дервишей, если вы объясните, что в переводе «дервиш» означает «бедный», а после всего этого продемонстрируете телезрителю серию стоп-кадров, запечатлевших их движения, подобные полету аистов, — вот тогда они станут понятны. Мы должны помочь, мы — посредники. Каждая культура нуждается в посреднике. Вот мы и должны стать ими для Юга и Севера.

«Диван Шехерезады» — напоминание о чуде, которое сотворила эта прелестная девушка, заставив султана тысячу и одну ночь, затаив дыхание, слушать удивительные рассказы об иных землях. Не будем забывать, что язык дан нам для того, чтобы рассказывать детям о чужих мечтах. Вот это и есть главное, этим-то мы и собираемся заняться сообща, предлагая свои услуги телезрителям всего мира. Мы станем сценаристами их мечты, ведущей в треть тысячелетие. ■

У любого человеческого сообщества своя история; ее не делают специально, ее проживают, причем каждый по-своему. В зависимости от форм социальной организации и систем власти, наличия или отсутствия письменности, характера господствующей религии, отношения ко времени и смерти и множества других факторов значение памяти для представителей различных цивилизаций неодинаково.

В нашем сознании так укоренились традиции современной историографии, что нам становится все труднее воспринимать иные подходы к прошлому, например отсутствие хронологии в изложении событий.

Сегодня историография переживает настоящий бум. Сейчас людей привлекает история не только королей, наций и народов, но и отдельных социальных групп и общественных институтов. Кроме того, в последнее время растет интерес к «истории современности». Раньше историк приступал к работе лишь после того, как события укладывались в определенную логическую цепь. В наш век с помощью радио, телевидения и ежедневных газет история складывается на лету, но в то же время размываются границы прошлого и настоящего.

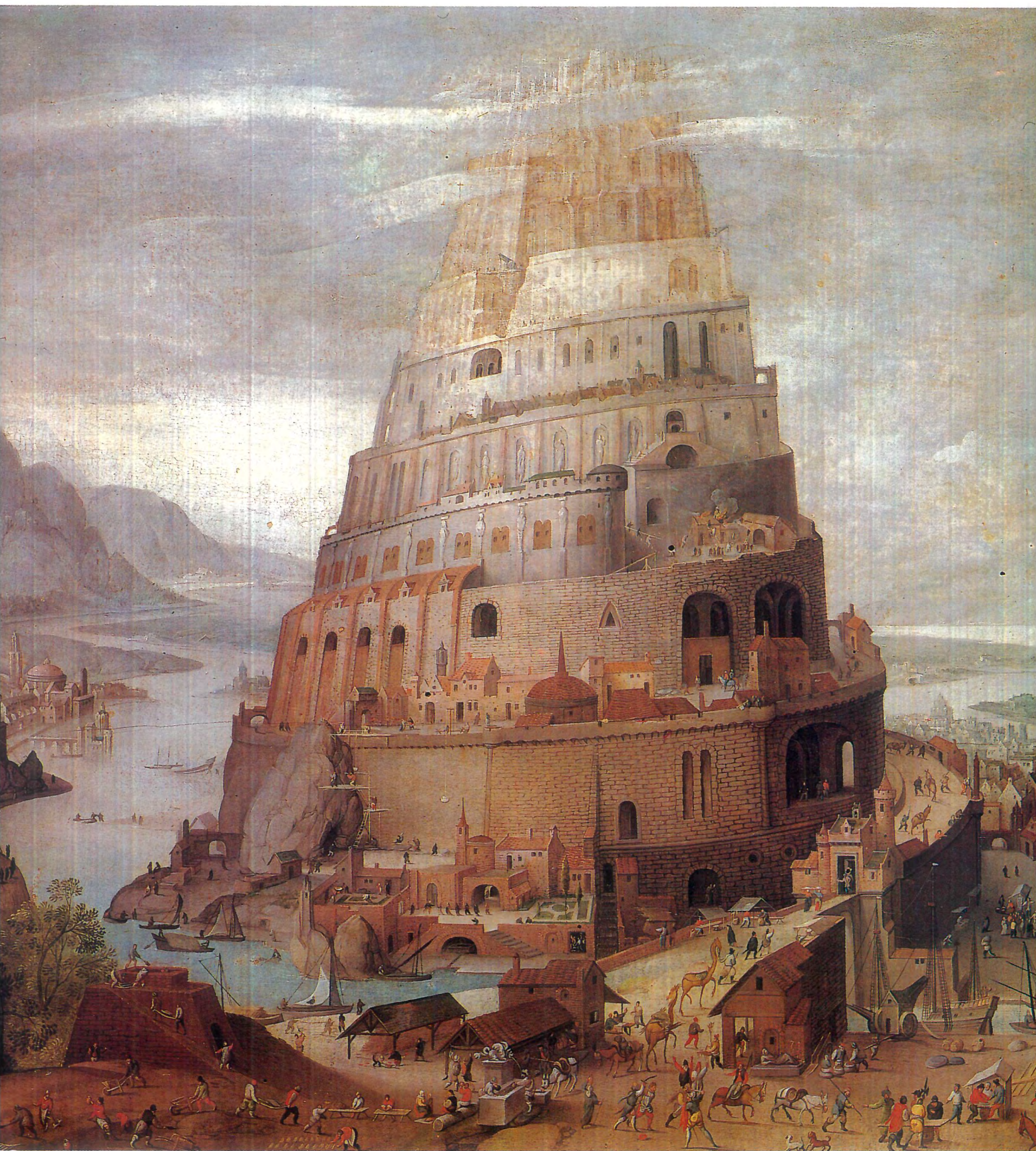
В современном мире растет стремление к воссозданию прошлого. Все с большим вниманием обращаемся мы к забытым письменным свидетельствам былых веков и документам, вопиющим о трагедии узников Освенцима и ГУЛАГа, об их безжалостной и несправедливой судьбе. Так память становится предметом исторического осмысления.

Размышляя об отношении людей к прошлому, мы пришли к выводу, что в рамках одного номера всесторонне рассмотреть эту проблему невозможно. Появилась идея посвятить вопросам историографии прошлого и настоящего два выпуска «Курьера» подряд. Их объединит общая тема — история и память, — ведь именно они позволяют нам победить время и спасти свое прошлое от забвения.

Для каждой культуры характерна своя концепция времени. Память и история далеко не всегда бывают синонимами, а иногда даже вступают в конфликт.

Память

ФРАНСУА АРТОГ

«Строительство Вавилонской башни». Фламандская школа, XVI в.

КОГДА мы сегодня говорим об истории, утверждает французский этнограф Луи Дюмон, то, в сущности, имеем в виду не только абсолютную или относительную хронологию, но и причинную связь или даже скорее совокупность крупных изменений. Для нас жизнь в истории означает восприятие бытия людей, обществ, цивилизаций в их развитии во времени. Еще немного, и мы поверим, что только переменная величина имеет смысл, а постоянная им не обладает, хотя большинство обществ верили в обратное¹.

Концепция времени как вектора и фактора прогресса впервые появилась в Европе эпохи Просвещения и представляет собой своего рода светскую интерпретацию христианской модели сотворения мира, боговоплощения и конца света. Она нашла свое выражение в философии истории Гегеля и в историческом материализме Маркса. И если раньше считалось, что истина заключена в Библии, то теперь сама история стала как бы книгой душ человеческих для всех времен и народов (Гердер), раскрывающей по крайней мере потенциальное бессмертие человечества.

В исторической практике время становится средством: оно отождествляется с хронологией, преимущественным принципом всякой классификации. Основным недостатком оказывается анахронизм.

Однако существуют другие временные соотношения, другие времена, где вместо последовательной смены событий происходит их нагромождение, наложение, подражание, сосуществование, повторное поглощение.

Вневременная память

Во времена брахманов в Индии совершенно не заботились о выстраивании воспоминаний в цепочку и о расположении их в хронологическом порядке. Напрасно мы стали бы искать там «мира, которым движет память», пишет французский индолог Шарль Маламу. «Воспоминания не только не очерчивают контуры биографии, но и создают там, где кончается личность, расплывчатую зону, разомкнутый круг». При этом каждый человек, «если он владеет соответствующими методами и в особенности если он приобретает необходимые качества, сможет вспомнить свои предыдущие воплощения».

Однако наряду с этой обычной памятью, связанной с воспоминанием, существует другая, специально развиваемая и жестко контролируемая, она направлена исключительно на запоминание. Она помогает заучивать наизусть написанные за три века до нашей эры священные тексты Вед, которые по традиции передавались изустно. Для этого брахманы с помощью целого ряда тщательно разработанных методов, способствующих «расчленению» текста, добиваются постепенного «внедрения» его в личность ученика. В чтении наизусть не должно быть

ошибок: любая ошибка — это не только грех, но и катастрофа для ритуала. При таком подходе каждый отдельный отрывок выпадает из контекста и времени.

Подобная традиция прямо противоположна западной историографии: здесь иные временные связи, иная память, иная историчность.

История в прошлом и настоящем

Начиная свое «Изложение событий», основоположник европейской исторической науки Геродот писал, что хочет спасти от забвения деятель-

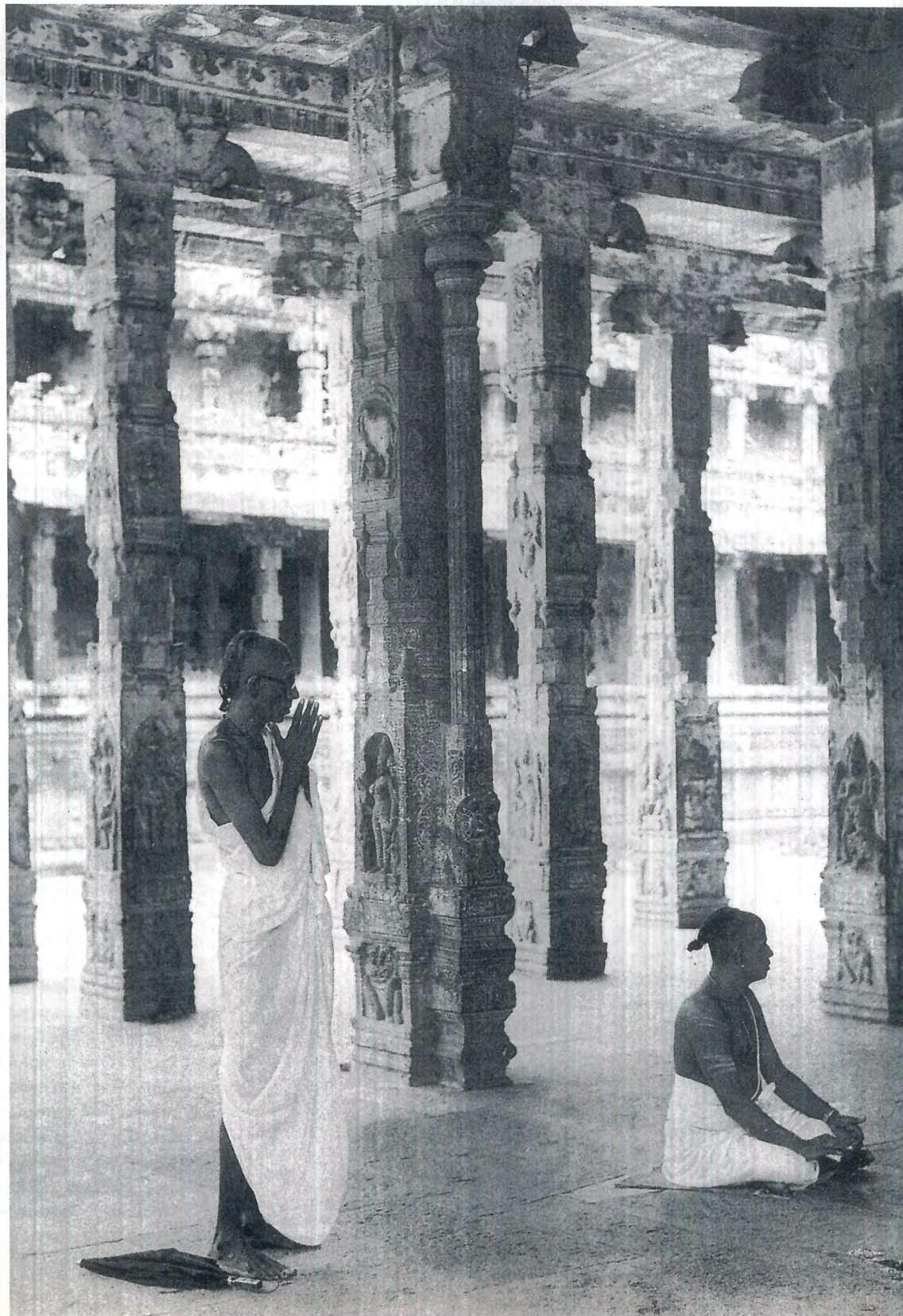
ность людей. Перед лицом вечной природы и бессмертных богов историк своим словом повторяет и закрепляет ее едва уловимые следы. Вслед за эпическим аэдом он заявляет о себе как о «титане бессмертия».

Если исходить из того, что история и память неразрывно связаны, то есть все основания утверждать, что отношения между ними сложны и чреваты конфликтами. Еще Фукидид, убежденный, что «научной» может быть только история настоящего, утверждал, что история всегда грешит против памяти. А в XIX в. его коллеги требовали четкого разграничения между историей и памятью: история должна

Индийский брамин, последователь Вишну, его лоб украшают священные тексты.

Справа: молящиеся брамины в храме Шивы в Шидамбараме (Южная Индия).

ФРАНСУА АРТОГ, французский историк; руководитель отдела в Высшей школе социальных наук в Париже. Специалист в области древней и современной историографии. Среди его трудов «Le miroir d'Hérodote» (Callimard, Paris, 1980) и «Le 19e siècle et l'histoire: le cas Fustel de Coulanges» (PUF, Paris 1988).

заниматься прошлым и только прошлым; история кончается там, где начинается память.

И только совсем недавно в сознании ученых произошел поворот: память захватила область истории. Это заставляет переосмыслить оба понятия: как, например, говоря об уничтожении евреев нацистами, связать требования памяти с историческим осмыслением? Память, считавшаяся до сих пор лишенной необходимой чистоты, становится объектом истории, возникает история памяти.

Воплотившие память

«Захор» («помни» на иврите) — заповедь, провозглашающая все библейское повествование и иудаизм. Сыны Израиля свято хранят завет не допускать забвения. Иосиф Иерусалимский вынес слово «захор» в заглавие своей книги, в которой он, исходя из императива памяти, и рассматривает отношение евреев к своему прошлому. Священный текст Библии, так же как и Веды, предстает прежде всего как откровение. Поэтому необходимо изучать, анализировать и запоминать наизусть Тору².

И все-таки отношение к Библии совершенно иное, чем к Ведам. Оно не ведет к расчленению текста и нарушению контекста. Напротив, для иудеев важно не только само событие, но и то, как оно произошло, начиная с божественного откровения. Писание — это священная история, ведь, начиная с изгнания из рая, человечество живет во времени, и библейское повествование хранит память о его движении, память истории и память людей.

Однако в данном случае речь идет вовсе не о прошлом как таковом или о том, что надо, как говорил Геродот, спасти от забвения достойные этого события. Для иудеев важно лишь то, что освящено вмешательством Бога, и реакция на это людей.

В результате, хотя евреи никогда не отказывались от императива памяти, в какой-то момент они перестали писать собственную историю. Быть может, именно тогда они стали народом, воплотившим в себе свою память?

Казалось, что память и история, составлявшие некогда единое целое, навсегда оторвались друг от друга. Талмудистская литература, появившаяся после Библии, не имеет ничего общего с историографией.

Как считают водораздел совпал с синедрином в Явне (100 г.), где был утвержден окончательный канонический текст Библии. Как исключение, подтверждающее правило, на горизонте историографии возникла фигура священника и историка Иосифа Флавия. Прошли века, прежде чем появился другой еврей-историк. Иосиф Иерусалимский полагает, что было бы неверно заключить из этого, что у иудеев отсутствовал интерес к истории; напротив, их позиция становится вполне понятна, если рассматривать их как народ «растворенный в истории». Описывая прошедшее, Библия заключает

в себе и настоящее и будущее. Смысл ее ясен, все остальное — случайности, не представляющие особого интереса.

Важна цель истории, по крайней мере в ее письменном варианте. Она ставит целый ряд труднейших вопросов, в частности какова связь между историей и местом ее действия? При отсутствии места (когда и второй Храм был тоже разрушен) можно ли написать историю заново? И вновь призовем в свидетели Иосифа Флавия, настоятельно подчеркивавшего наличие связи между историографией (в ее возможности существования и осуществления) и Храмом, наделяющим полномочиями «историка».

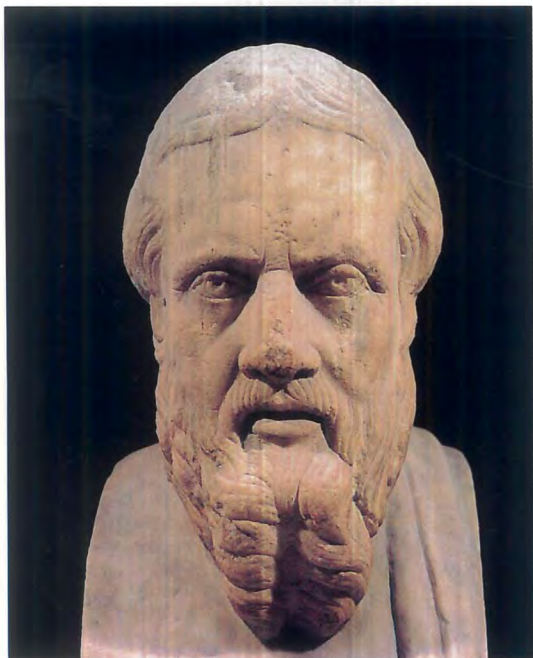
Экземпляр Торы, хранящийся в синагоге Старого Каира.

Что касается открытой Йохананом бен Заккайем школы в Явне, то к моменту разрушения второго Иерусалимского Храма она была «местом, где хранили память», а отнюдь не мастерской истории. В 1938 г. Фрейд писал, что политическое несчастье еврейской нации научило ее по достоинству ценить свое Священное Писание, единственную оставшуюся у нее собственность. Сразу же после разрушения Титом Иерусалимского Храма раввин Йоханан бен Заккай попросил разрешения открыть в Явне первую школу для обучения Торе. С этого момента только Священное Писание и духовность помогли рассеянному по земле народу сохранить свою целостность. ■

1. См.: Louis Dumont «La civilisation indienne et nous» (ed. Armand Colin, Paris 1964). — Прим. ред.
2. Пятикнижие Моисеево. — Прим. ред.

Удивительные истории Геродота

КАРМИНЕ АМПОЛО

«**П**ЕРЕД вами изложение исследования, предпринятого Геродотом из Галикарнаса с тем, чтобы не позволить времени бесследно поглотить происходящие в жизни людей события, чтобы потомки могли по достоинству оценить великие и удивительные деяния греков и варваров, а главное, не забыли причин, ввергнувших народы в войну».

В этом предисловии к «Изложению событий» Геродот дал, по-видимому, первое определение задач и самого предмета исторической науки. Шестьюдесятью годами раньше его предшественник Гекатей Милетский, который главным образом старался переосмыслить на более рациональной основе легенды, составляющие мифологическое наследие греков, определял свои намерения следующим образом: «Так говорит Гекатей Милетский: я описываю вещи постольку, поскольку они кажутся мне правдоподобными; в сущности, легенды греков многочисленны и забавны, по крайней мере на мой взгляд». Таким образом, утверждая и даже утрируя право автора на особое мнение, он в то же время указал на два основных требования, предъявлявшихся в эллинистическом мире к

историческим сочинениям: стиль и правдоподобие.

Однако Геродот понял свою задачу иначе. Он не стремился дать собственное толкование тому, о чем рассказывал (чаще всего он противопоставлял разные версии, которые ему удалось собрать), он просто излагал результаты своих исследований. История в его понимании была одновременно научным поиском и увлекательным повествованием. Именно в его творчестве особенно ярко проявилось все то, что веками формировало две основные составные части греческой исторической мысли, время от времени склонявшейся то к одному, то к другому полюсу, но всегда признававшей приоритет правдоподобия (причем это относится и к авторам, предпочитавшим художественное изложение материала).

Повествователь

Когда Геродот определяет свое произведение как «изложение результатов исследований», под этим надо понимать не только письменное, но и

Слева: бюст Геродота. Вверху: «Торжественный въезд царя Кира в Вавилон». Гравюра неизвестного автора (ок. 1820 г.).

КАРМИНЕ АМПОЛО, итальянский историк; преподаватель греческой истории в Университете Пизы. Исследователь истории Древнего Рима, политической и социальной истории Греции, а также проблемы взаимосвязи истории и мифа. Среди опубликованных им работ «La città antica» (1980) и «Le vite di Teseo e di Romolo» (1988).

устное повествование. В «Изложении событий» устная и письменная традиции тесно переплетены. По-видимому, Геродот устраивал публичные чтения своего труда, состоящего из нескольких отдельных отрывков. Это предположение подтверждают встречающиеся в тексте намеки на реакцию публики, да и сама структура прозы.

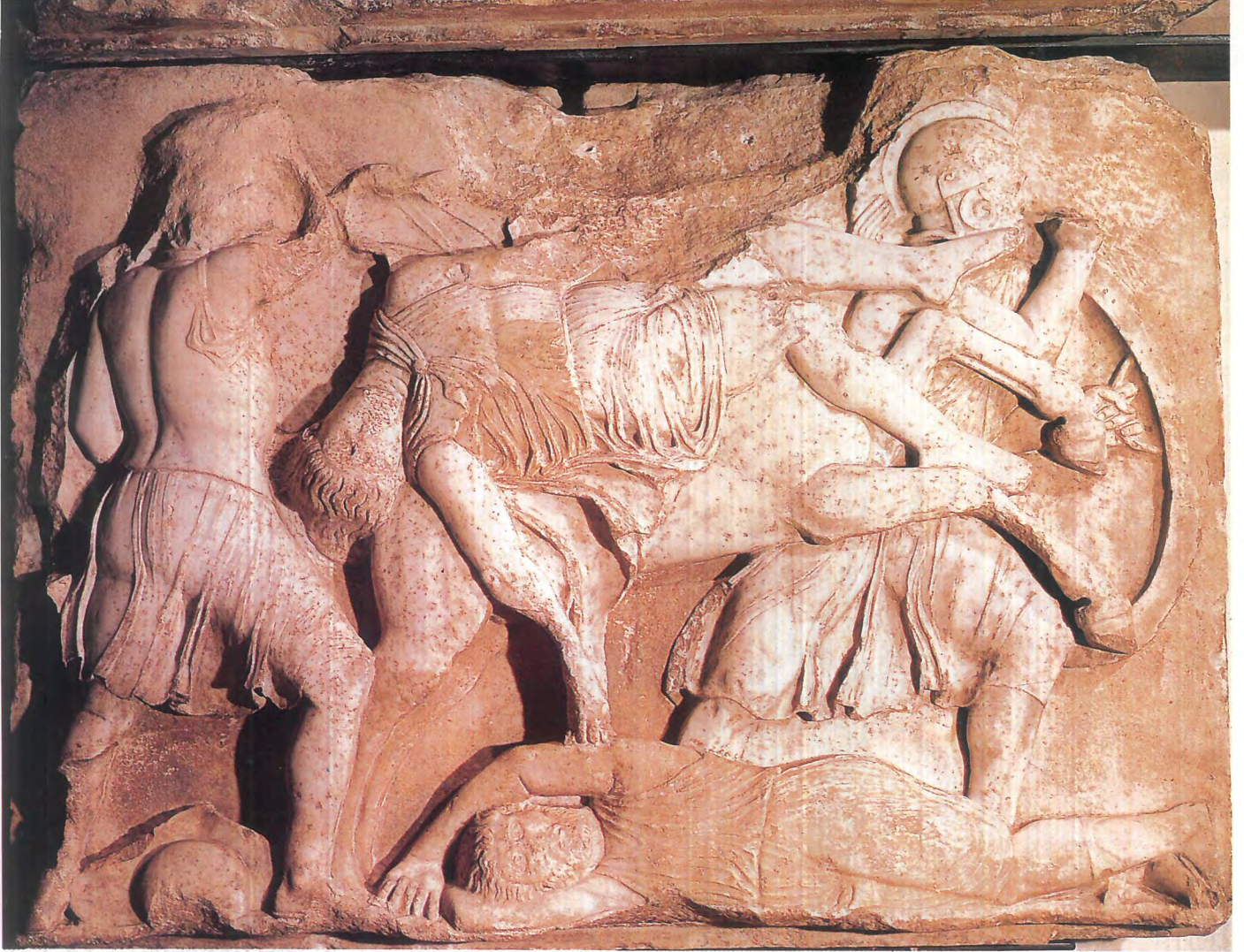
Конечно, это сильно сказалось и на композиции, которая может показаться чересчур фрагментарной из-за бесконечных авторских отступлений, то и дело наслаивающихся друг на друга и напоминающих не то китайские ларцы, не то русские матрешки. По натуре скорее живописец, чем скульптор, Геродот в совершенстве владеет искусством рассказчика и умеет захватить слушателя или читателя с помощью какой-нибудь детали, эпизода, персонажа.

Он зачастую просто пересказывает услышанное от кого-то. Так, повесть о победе афинян над персами в битве при Марафоне он связывает с историей некоего Эписелоса, который лишился в этом сражении зрения, хотя и не был ранен: «Я слышал, что Эписелос так рассказывал о случившемся с ним несчастье: ему почудилось, что перед ним предстал огромный гоплит с

бородой такой длины, что она покрывала весь его щит; призрак обогнал его и поразил воина, стоявшего рядом. Таков рассказ Эписелоса в том виде, как мне его передали». Было бы неверно видеть в этом эпизоде всего лишь один из многочисленных примеров использования Геродотом устной информации. Здесь применен прием многократного зеркального отражения: Эписелос рассказывает свою историю каким-то людям, те ее повторяют, их слышит Геродот и в свою очередь пересказывает то, что узнал от них.

Здесь автором руководило не только пристрастие ко всевозможным чудесам и диковинам — в чем столь часто упрекают Геродота, — но еще и желание заинтриговать, удивить. Будучи сам чрезвычайно любопытным, он умел возбудить любопытство читателя. Он хотел разоблачить в каждой неясной детали, в обычаях любого народа; его интересовало буквально все: события, изобретения, памятники, будь то дворец-лабиринт на острове Мойрис, египетские пирамиды или вавилонские стены. А чтобы удовлетворить жажду познания, Геродот путешествовал, повсюду расспрашивал тех, кто

Битва греков с варварами.
Мраморный фриз
надгробия с нерейдами (ок.
400 г. до н. э.) в Ксанфе
(Малая Азия). Британский
музей, Лондон.

хорошо знал другие страны, — ученых, жрецов и вообще самых разных людей, имена которых не сохранились. «Желая узнать, я спрашиваю».

Цель этого неистового поиска знаний ясно выражена во вступлении к «Изложению событий»: историк должен бороться со временем и вырвать из его власти все, что сочтет достойным памяти. В те времена в городах и храмах Греции были особые люди — *мнемоны*, задачей которых было хранить, запоминать и записывать события священной и человеческой истории. Но роль историка гораздо выше, чем чисто административная, юридическая и религиозная роль *мнемона*. Деяния людей и предметы культуры (*эрга*), которые он упоминает, должны сохранить *клеос* — ореол славы. Геродот в каком-то смысле выступил как продолжатель традиций эпической поэзии. Но поэт описывает подвиги героя, а историк — поступки людей.

Именно благодаря своей любознательности исследователя и путешественника Геродот значительно расширил рамки исторического сочинения. Он не мог ограничиться изложением мифов, генеалогических таблиц, историко-этнографических характеристик различных народов и сообществ. А поскольку он хотел осветить предмет своего исследования как можно шире, ему пришлось тщательно отбирать фактический материал, ведь тот, кто решил сконцентрировать свое внимание на области «великих и удивительных деяний», не может фиксировать все подряд.

Геродот сознательно отводил столь значительное место пространственным авторским отступлениям. В одном месте он прямо говорит: «В моем логосе (речи) самое главное как раз и есть

отступление». Чтобы понять такой подход, нет нужды ссылаться ни на современные авторитеты, ни даже на более поздних греческих авторов, произведения которых, рассчитанные исключительно на читателей, кажутся композиционно более совершенными. В повествовании, адресованном прежде всего слушателю, а уж потом — читателю, устная манера изложения зачастую определяет не только форму, но и отбор материала. Недостаточно, чтобы исторические детали что-либо разоблачали или вызвали восхищение, нужно, чтобы эти славные или позорные деяния были еще и интересными и не только удовлетворяли любопытство рассказчика, но и задевали какие-то струны в душах тех, кто составляет его аудиторию.

Исследователь

Откуда же Геродот черпал материал? Наряду с описанием событий, происходивших в греческих городах в 6—5 вв. до н. э., значительную часть его произведения занимает изложение истории и обычаев народов, объединенных под властью Персии (или таких, как, например, скифы, которых персы безуспешно пытались покорить). Но кульминацией повествования стало, конечно, столкновение греков и персов, которому посвящена чуть ли не половина работы.

Таким образом, Геродота интересовал не один какой-то народ или, скажем, греческий город и даже не сама Греция; он не воздвигал барьеров, никому не выказывал презрения — одним словом, не считал, что греки существенно превосходят другие народы, презрительно име-

нуемые варварами. Сын своей эпохи, утвердившей благодаря трудам философов-софистов культурный релятивизм, уроженец местности, расположенной на границе между Востоком и Западом, он был наделен любознательностью, вниманием и чувством уважения к другим народам.

И все-таки Геродот смотрел на окружающий мир глазами истинного грека. Следуя чисто эллинской традиции видеть в других собственную противоположность, он представляет нам обычаи иных народов как антитезу греческому укладу жизни. К примеру, египтян он описывает так: «Здесь ходят на рынок и занимаются торговлей женщины, а мужчины сидят дома и ткут... Мужчины носят поклажу на голове, а женщины — на плечах». И наконец: «Греки пишут и переключивают камешки во время счета слева направо, египтяне же делают все наоборот: они пишут и считают справа налево, но при этом утверждают, что именно они поступают должным образом, а другие — шиворот-навыворот».

Таким образом, оценка, а следовательно, и толкование строятся по принципу противопоставления. Но Геродот не забывает и о сходстве. Он всегда честно указывает на него читателям. Например, говоря о спартанцах, он подчеркивает, что их обычаи, связанные с кончиной правителя, напоминают «обряды азиатских варваров», да и сам этот народ похож «на египтян: у тех и у других звание глашатая, флейтиста и повара передается по наследству».

Если Геродот и не зашел так далеко, как Фукидид, утверждавший, что греки сами когда-то жили как варвары; если он и соблюдал дистанцию между двумя мирами, то все-таки делал это не до такой степени, чтобы представить их некими монолитными блоками, один из которых систематически подчиняет себе другой или оставляет его далеко позади в области культуры. Он, хоть и не равнял варваров с греками, все же порой признавал за ними первенство. Так, он заметил, что многие греческие божества позаимствованы у египтян, и на основании этого сделал вывод, что египетская цивилизация

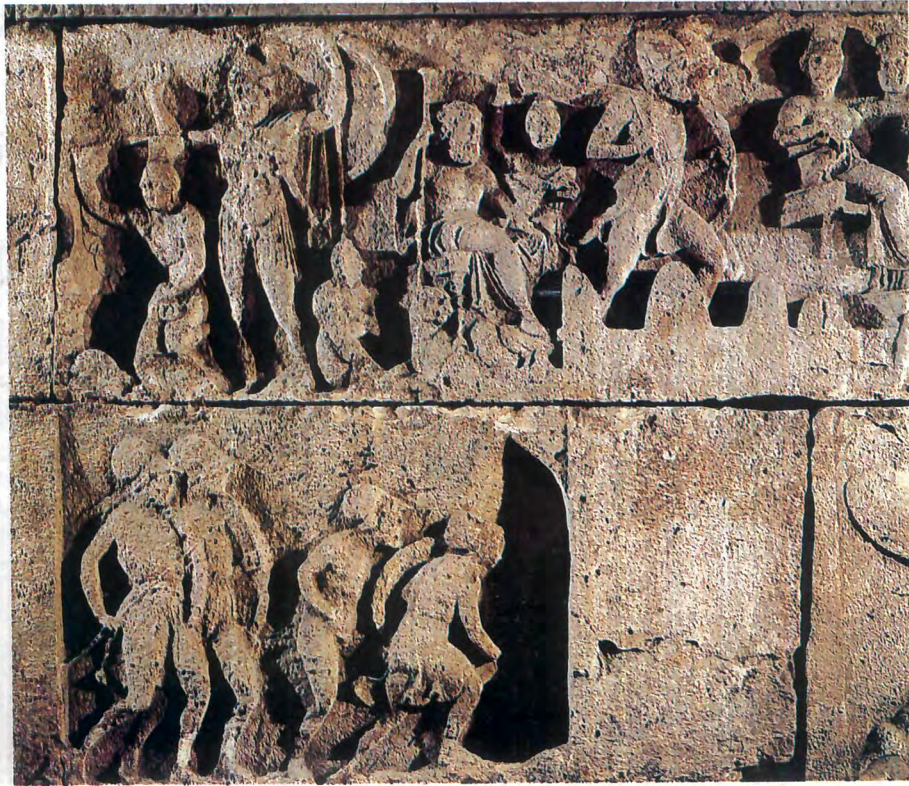
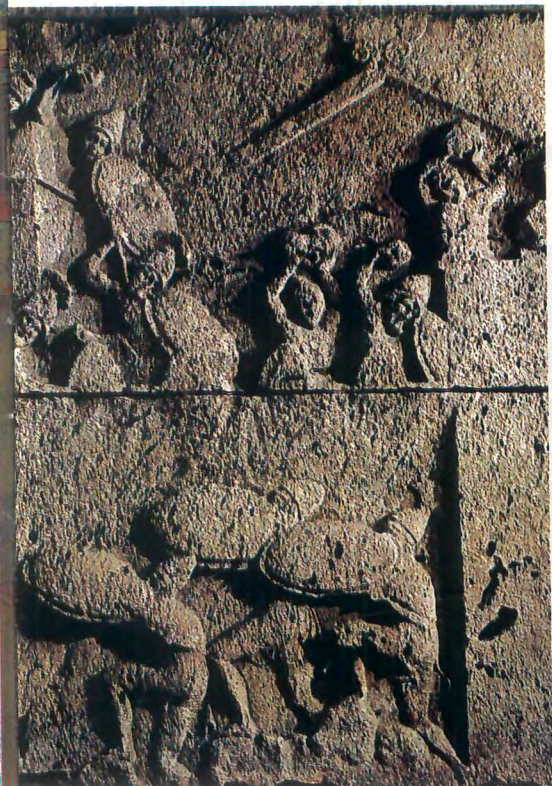
древнее греческой, что у персов есть свои добродетели.

«Изложение событий» завершается таким поучительным эпизодом. Стремясь убедить своих подданных отказаться от идеи захвата более плодородных земель, царь персов Кир II обращается к воинам со словами: «Греки предпочли остаться на скудных землях, но сохранить свободу, презрев участь рабов, возвращающих на щедрых полях богатый урожай для других». В его уста вложена истина, адресованная как раз в первую очередь грекам. Аналогичным образом Геродот перенес «на персидскую почву» спор об основных формах государственного устройства — демократии, олигархии и монархии. Персы, конечно, чужеземцы, враги, но ведь они тоже люди. Разве они, хотя бы чисто теоретически, не могут быть похожи на греков, равно как и греки в чем-то напоминать варваров?

С другой стороны, Геродот в отличие от своих последователей вовсе не стремился пересказывать мифы или развешивать всю цепь событий, начиная с самых истоков или традиционных вех греческой истории. Область его исследования — мидийские войны и жизнь поколения, которое предшествовало участвовавшему в них, — представляет собой сравнительно недавний для него период. А описывать более древние времена — дело поэтов и тех, кто изучает генеалогию. Точно так же подходил Геродот и к рассказу о Египте: он по-разному относился к тому, что видел собственными глазами, и к тому, что узнавал, общаясь с египтянами. Если он и обращался к мнению персидских, финикийских и египетских ученых относительно некоторых легендарных эпизодов, в частности похищения Елены и Троянской войны, то лишь затем, чтобы лучше разобраться в причинах мидийских войн.

Избрав предметом изучения события недавнего прошлого, о которых он мог узнать, что называется, «из первых рук», Геродот тем самым оказал решающее влияние на дальнейшее развитие исторической науки. Его последователь Фукидид пошел еще дальше, сконцентрировав внимание на современной ему эпохе. ■

Осада Трои. Две части греческого барельефа из белого известняка (4 в. до н. э.), обнаруженного в Тризе (на территории нынешней Турции). Музей истории искусств, Вена.

Фукидид

Летописец быстротечной жизни

ЧТО нам известно о Фукидиде? Да, пожалуй, только то, что он сам рассказал о себе в неоконченной «Истории Пелопоннесской войны». Итак, он родился примерно в 455 г. до н. э. в Афинах в богатой аристократической семье, имевшей обширные связи за пределами афинского государства, переживавшего в те времена период расцвета благодаря сильному флоту, в состав которого входили 170-весельные триеры, противостоявшие персам в Эгейском море. Общественное устройство Афин претерпело в то время ряд радикальных реформ, связанных с именем Перикла. История государства, демократия и сам Перикл — вот три главных аспекта повествования Фукидида о войне между Афинами и Спартой (431—404 г. до н. э.). Однако его рассказ обрывается на полуслове летом 411 г. до н. э.

Фукидид сам был участником этого идеологического и военного столкновения, правда не совсем обычным. В 424 г. до н. э. народное собрание афинских граждан назначило его генералом (стратегом). Однако в том же году, после военной неудачи, в которой, кстати, был повинен не один Фукидид, он был вынужден отправиться в изгнание, продолжавшееся до конца войны. Ссылка, как говорил сам Фукидид, не прошла для него даром: она помогла ему взглянуть на события как бы со стороны Спарты. Но несмотря на декларируемую объективность, он все-таки постоянно превозносит государственный ум Перикла, гневно противопоставляя его бездумной афинской толпе и возглавлявшим ее демагогам, так лихо распорядившимся и политической карьерой самого Фукидида, и судьбой Афин.

Автор хотел, чтобы его «История» стала «достоянием навеки», и это желание осуществилось, что объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это единственный авторитетный источник, описывающий данный военный конфликт, хотя, конечно, с точки зрения Спарты, война была не «пелопоннесской», а «афинской», поскольку велась против Афин и их союзников. Однако далеко не все современники Фукидида разделяли его убежде-

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

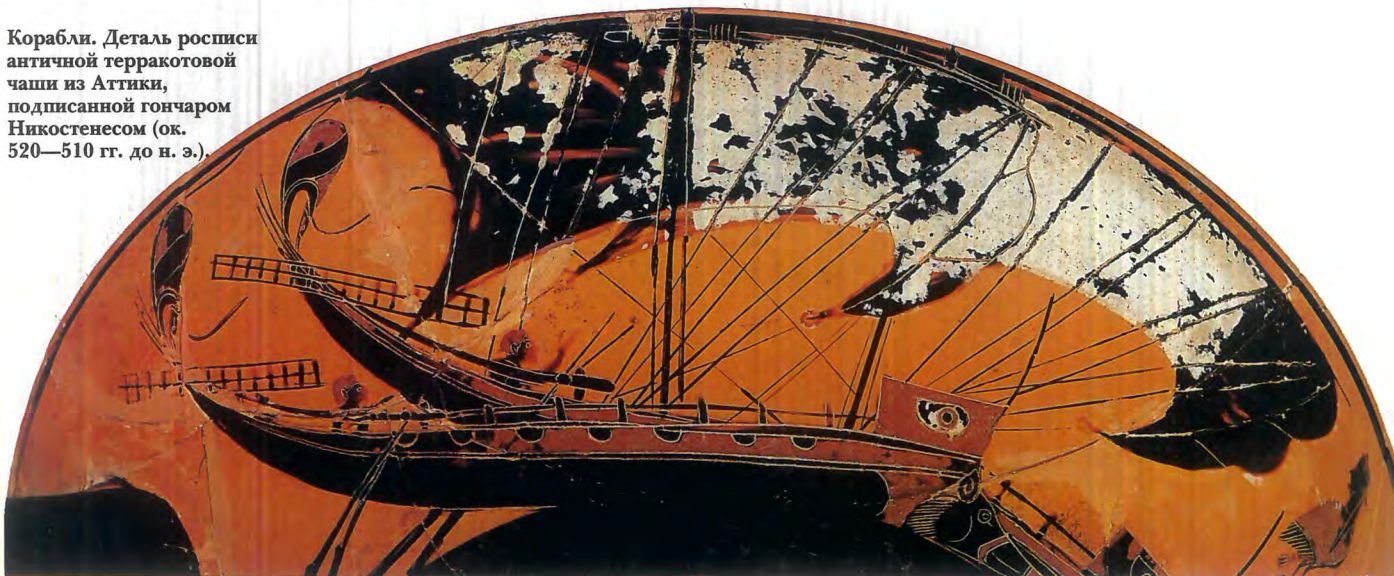
ПОЛ КАРТЛЕДЖ,
преподаватель античной
истории Кембриджского
университета
(Великобритания).
Автор книг «Sparta
and Lakonia: A Regional
History c. 1300—362 B. C.»
(Routledge & Kegan Paul,
London, 1979) и «Agesilaos»
(Duckworth, London, 1987).

ние, что войну начала Спарта и что она продолжалась 27 лет. Некоторые утверждали, что на самом деле это были две военные кампании по 10 лет, которые якобы разделяли 7 лет мира, правда весьма сомнительного. Но убеждающая сила Фукидида настолько велика, что мы не только видим афино-спартанскую войну его глазами, но и сквозь призму его «Истории» воспринимаем «золотой век» Афин — период правления Перикла (то есть всю вторую половину 5 в. до н. э.).

Во-вторых, в своем труде Фукидид приводит многие дискуссии и речи того времени, в большинстве своем вполне достоверные, причем изложены они в неподражаемом стиле, за которым скрывается блестящий ум автора. Правда, сегодня можно лишь предполагать, насколько соответствуют слова, вложенные Фукидидом в уста его героев, тому, что они говорили на самом деле, и какую роль отводил им автор в «Истории». Особенно горячие споры вызывает «Мелосский диалог», освещающий переговоры, которые в 416—415 гг. до н. э. вели «при закрытых дверях» афинские военачальники с правителями острова Мелос в Эгейском море. Вряд ли автор мог знать, как действительно проходили эти переговоры, а поскольку особого исторического значения они не имели, то здесь, по-видимому, историк просто уступил место моралисту, политику-теоретику и трагическому поэту.

Какой урок хотел преподать Фукидид, используя столь чуждые для исторической науки драматические средства выражения? Мне кажется, идея его в том, что межгосударственные отношения строятся, исходя из совсем иных нравственных критериев, нежели отношения между людьми. На первое место здесь выходит коллективный эгоизм, принимающий форму заботы о безопасности, престиже и экономической выгоде государства. Можно ли сегодня назвать хоть один международный конфликт, где бы не сработал этот железный закон? Да, труд Фукидида все еще не потерял своей актуальности. ■

Корабли. Деталь росписи античной терракотовой чаши из Аттики, подписанной гончаром Никостенесом (ок. 520—510 гг. до н. э.).

Под взглядом императора

ХО ДАТУН

Вверху: Цанцзе, легендарный изобретатель китайского иероглифического письма (работа XVII в.).
Справа: император Сюань Ди. Фрагмент живописного свитка «Тринадцать императоров», приписываемого Янь Лиэню (VII в.).

По преданию, первого китайского историка звали Цанцзе. Он служил при дворе легендарного императора Хуанди (3 тыс. лет до н. э.). Считают, что именно он создал иероглифическое письмо, позволившее ему записывать исторические факты. Даже окончание его имени пиктографически изображается в виде руки и бамбуковой таблички.

Основатель историографии представляется фигурой могущественной и загадочной. Астролог и прорицатель, он следил за исполнением пророчеств, контролировал дела императора и министров, руководил церемонией инвеституры (посвящения в должность) и был главным жрецом культа неба, земли и предков.

Во время каждой происходящей во дворце

Сыма Цянь — отец китайской истории

СЫМА ЦЯНЬ (145—86 гг. до н. э.) — родоначальник китайской исторической науки. Он унаследовал от отца должность Главного придворного историографа императора Уди из династии Западная Хань (206 г. до н. э.—9 г. н. э.). Его главное произведение — «Шицзи» («Исторические записки»), над которым он работал около двадцати лет, состоит из 130 глав, насчитывает 528 тыс. иероглифов и охватывает 24 века истории, со времени царствования Первого императора до начала 1 в. до н. э.

Этот труд состоит из пяти разделов: анналы династии (Бэньцзи), анналы знатных семейств (Шицзя), генеалогические таблицы (Бяо), трактаты (Шу) о церемониях, календаре, по астрономии, экономике, географии, об ирригационно-мелиоративных работах, а также биографии (Лечжуань) многочисленных исторических личностей: политиков, ученых, полководцев, писателей, чиновников, странствующих воинов, врачей, астрологов, купцов.

Этими биографиями (70 глав) Сыма Цянь выводит историографию на новый уровень: к общей истории, делавшей основной упор на преемственность сынов Неба (императоров), и к изложению фактов он добавляет жизнеописания отдельных личностей, отражающие социальные и профессиональные реалии.

В те времена, когда Главный придворный историограф был еще и астрологом и занимался составлением календаря, Сыма Цянь привнес в свои должностные обязанности функции современного историка. По примеру Конфуция, составителя хроники «Весны и осени», он строил свою работу на тщательном исследовании и критическом отборе документов.

Чтобы быть достойным своего предназначения, он с десятилетнего возраста изучал классические тексты. Двадцатилетним юношей он покинул свой рабочий кабинет и отправился в долгое путешествие по провинциям Китая, чтобы познакомиться с замечательными людьми, увидеть воочию знаменитые памятники старины, поговорить с великими учеными.

Так он закладывал основы своей монументальной книги. Блестящая по стилю, замечательная по мысли, «Шицзи» стала моделью истории династии.

В дальнейшем все китайские историки старались следовать примеру Сыма Цяня, который считал, что «нужно анализировать глубинные связи между универсальным и человеческим, улавливать суть исторических преобразований, чтобы выработать собственную доктрину».

ХО ДАТУН ■

официальной аудиенции два летописца, стоявшие справа и слева от императора, независимо друг от друга фиксировали его слова и поступки. Из этих записей родились два великих исторических труда: трактат «Шансу» («Речи древних государей») и хроника «Чуньцю» («Весны и осени»).

История неразрывно связана с философией. Отцу даосизма Лаоцзы (6—5 вв. до н. э.), как историографу было поручено хранение архивов династии Западная Чжоу. Философ и мыслитель Конфуций (551—479 гг. до н. э.) традиционно считается составителем анналов времен правления Лу. Комментарий «Цзо-чжуань», составленный к этим анналам слепым историком Цзою Минем, признан классическим.

Однако отцом китайской истории принято считать Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.), Главного придворного историографа знаменитого

императора Уди (141—87 гг. до н. э.). Его труд «Шицзи» («Исторические записки»), наполовину состоящий из биографий, обновляет традиционное восприятие истории, выдвигает на первый план человеческую личность и ее деятельность. Такой подход стал моделью для историков всех последующих династий (см. врезку на с. 22). Еще один знаменитый исторический трактат «Ханьшу» («История Ханей») написан Бань Гу (32—92 гг. н. э.) и его родственниками.

«Шитун» («Общие положения истории») — труд придворного историка императрицы У Цзэтянь Лю Чжицзи (661—721) — первое произведение такого рода, в котором появилась историческая критика. Автор считает, что историку необходимы три качества: литературный талант, знание предмета и критический склад ума; он различает шесть школ и классифицирует все исторические труды по

省城

двум основным жанрам: хроники и биографии.

Работа Сыма Гуана (1019—1086) «Цзычжэ Тонцзян» («Всеобщее зеркало в помощь правителю») — еще один пример сознательного исторического сочинения. Эта гигантская хроника насчитывает 295 глав и охватывает период более 1300 лет вплоть до X в. По сути дела, это коллективный труд. Три основных помощника Сыма Гуана, сами знаменитые историки, в официальных частных библиотеках собрали максимально возможное количество документов, сгруппировали их по темам и изложили в хронологическом порядке. Сам же Сыма Гуан занимался окончательным отбором материала, стремясь зафиксировать наиболее полезные для императора сведения.

Во времена правления Северных и Южных династий (222—598), в период политических смут, роль Главного придворного

историографа ограничивалась изучением астрологии и составлением календарей. События же повседневной жизни императора записывали секретари-историки.

Департамент историографии

Однако в VII в. первые правители династии Тан стали придавать особое значение истории, видя в ней образовательный элемент. Император Тай Чжун (626—649) учредил Департамент историографии, главной задачей которого стало собирание исторических трудов. Эту работу поручили специально назначенным чиновникам, а не потомственным историографам, как раньше. Деятельность Департамента обычно контролировал сам император, а главными редакторами были министры.

Вверху: Тай Цзун, второй император династии Тан (VII в.). Стилизованный портрет на шелке неизвестного художника династии Цин (XVII—XX вв.).

Вверху слева: план города Чэнду, столицы династии Шу в период Троецарствия (III в.) и современной провинции Сычуань в Центральном Китае.

問所禮史爲日于叔孔子
以節故周老老入子
文知柱子子周周南宮
下曾朱子禮敬

**Легендарная встреча
Конфуция и Лаоцзы**
(китайский рисунок XIX в.).

Такая бюрократизация в дальнейшем привела к серьезным последствиям. Историки оказались лишенными собственного взгляда в вопросах, связанных с политикой и общественным мнением. Человек, руководивший этой колоссальной коллективной работой, должен был быть одновременно ученым и прекрасным администратором, иными словами, обладать качествами, редко сочетающимися в одном лице. В результате утвердившегося разделения труда историографы рисковали потонуть в океане документов, кроме того, их набирали из числа просто грамотных людей, не заботясь о том, имеют ли они склонность к исторической науке (все это придавало статус официальности традиционному смешению истории и литературы).

Наряду с посредственной продукцией императорского Департамента параллельно создавались произведения, посвященные истории династии. Когда к управлению пришла династия Юань (1277—1367), интерес историков был направлен в другое русло. Так появляются историографические труды нового типа, такие, как «Тундянь», написанная Ду Ю, первая общая история государственных учреждений; «Тунчжи» («Общие монографии»), принадлежащие перу Чжэн Цяо (1104—1162) и «Вэньсянь тонкао» («Общие критические замечания о документах») Ма Дуаньлиня (1254?—?). Поистине, это настоящие энциклопедии; каждая из них состоит из разделов, посвященных той или иной теме: экономике, политике, образованию, религии, обычаям и даже филологии.

В период перехода власти от династии Мин к Цин (1644—1911) Хуан Цзунси (1609—1695) в своей работе «Минжу сюэнь» («Трактаты о доктринах конфуцианской школы») делает первый глубокий анализ истории теорий и биографий мыслителей. В «Души фаню цзяо» Гу Цзюй (1624—1680) исследует взаимосвязи истории и географии.

Во времена правления манчжурской династии Цин (1644—1911) в произведении

«Вэньши туни» («Общее значение литературы и истории») Чжан Сюэуэн (1738—1801) применяет исторический подход ко всем областям знания и проводит разграничение между концептуальными и чисто информативными работами.

Манчжурские императоры, особенно Канси (1662—1722) и Цяньлун (1736—1795), придавали огромное значение обработке и редактированию исторических документов. Департамент историографии переписал историю недавно свергнутой династии Мин (за 81 год было создано 336 томов), а другие департаменты составили историю царствующей династии, национальную историю и хронику повседневной жизни императора.

В те времена действительно велся ежедневный дневник жизни императора — настоящее сокровище для современных историков. Как только он выходил из своих личных покоев, чтобы дать первую утреннюю аудиенцию, сразу начиналась подробная запись всего, что он делал, во что был одет и чем питался. Эти наблюдения, дополненные административными архивами, позволили создать во время правления следующего императора сборник «Шилу» («Подлинные документы»).

Появились и другие крупные компилятивные труды, состоящие из старинных и более современных текстов, такие, как «Гуцзинь тушу цзичэн» и «Сыку цюаньшу», воспроизводящие более 3 тыс. документов.

По приказу императора была проделана еще одна огромная работа. По всему Китаю на основе местных монографий создавались сводные труды по географии, этнографии и археологии.

Роль официального историографа достигла апогея в период правления Цяньлуна. С упадком манчжурской династии большинство историографических традиций было постепенно утрачено. «Циншигао» («Опыт официальной истории династии Цин») можно считать лебединой песней классической китайской историографии. ■

ХО ДАТУН,
китайский историк; ведет
исследовательскую работу
в музее Императорского
дворца в Пекине.

Не утратившие памяти

Перед лицом
своего прошлого

Фрагмент древнееврейской рукописи со словами «Захор». Северная Италия (ок. 1450—1470).

ЛАЙОНЕЛ
КОХАН

НЕЗАДОЛГО до своей смерти Моисей заклинал соплеменников не пренебрегать своим прошлым: «Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Второзаконие, 32, 7).

Однако, несмотря на подобное увещевание, изучение прошлого и историография у евреев отнюдь не процветали. Правда, в конце 70-х годов I в. Иосиф Флавий написал свою «Иудейскую войну», а спустя еще 20 лет — «Иудейские древности». Но только полторы тысячи лет спустя, к концу шестнадцатого столетия, раввин Иосиф Ха-Кохен (1496—1578) положил начало подлинной еврейской историографии, когда появилась его «История французских королей и правителей Османской империи». Причем сам он так оценивал свое начинание: «Во всем еврейском народе не нашлось до сих пор историка, равного Иосифу Флавию... Они исчезли, летописцы Израиля, они исчезли, но вот явился я, новый Иосиф».

Чем же объясняется этот пятнадцативековой провал в исторической науке? Вопрос вполне закономерный, особенно если вспомнить, что

евреи традиционно воспринимаются как народ, в высшей степени связанный с историей. Ведь даже Библия — священная книга иудеев — представляет собой изложение национальной истории; да и сами деяния Божии изначально рассматривались ими с двух точек зрения — личностной и исторической.

Когда прошлое живо

Надо сказать, что в этом-то и состоит вся сложность. В данном случае мы имеем дело с пониманием прошлого не как движения от какого-то определенного момента времени, а как некоей вечной, постоянно присутствующей в жизни реальности, поддерживаемой циклами еврейского лунного календаря и годичным кругом религиозных праздников, в большинстве своем связанных с событиями священной истории и воссозданием их в настоящем. Так, например, каждый год в праздник Пасхи читался текст Моисеева Закона, в память исхода израильтян из Египта повелевавшего: «И да будет вам день сей памятен, и празднуйте оный... во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его».

Огромное значение, придаваемое прошлому, и его постоянное присутствие в настоящем объясняют относительное равнодушие евреев к своей послебиблейской истории. Их интерес в этой области полностью удовлетворяло Священное Писание, объяснявшее им их истоки, их место в настоящем и предназначение в будущем. Такая историческая ограниченность в каком-то смысле была предопределена тем, что история народа была практически уже написана — божественное откровение Моисею на горе Синай обещало сынам Израиля в будущем главенствующую роль в мире, ибо сказано: «...благословятся в тебе все племена земные» (Бытие, 12, 3). Итак, все было известно. Какие бы бедствия и испытания ни ждали их на пути, все они были лишь ступенями, ведущими к тому священному миропорядку, при котором израильский народ будет вознагражден за свой мессианский подвиг. А поскольку такая историческая модель была столь же непререкаема, как Библия и Талмуд (каноническое иудейское толкование закона, религиозных догматов и комментариев к ним), то казалось, что все последующие события уже не имеют особого значения и нет смысла их записывать. Они уже не могли добавить ничего существенного к тому обетованию, которое было дано еврейскому народу. Все было ясно — от первопричины до финала.

Такой взгляд на историю оставался доминирующим вплоть до конца XVI в., общее молчание нарушали лишь частные хроники и мартирологи.

Однако примерно в то же время, что и работа Иосифа Ха-Кохена, появилось еще несколько исторических сочинений еврейских авторов, в том числе труд раввина Соломона Ибн Верга «Шевет Иехуда» («Скипетр Иехуды»), вышедший на турецком языке около 1554 г.; «Сефер Яхасин» («Книга по генеалогии», 1504) Авраама Закуто; «Шалшелет ха-Каббала» («Цепь традиции», Венеция, 1587) Гедалии Ибн Яхьи и «Цемах Давид» («Ветвь Давида», Прага, 1592) Давида Ганса. Столь же значительным с точки зрения развития исторической мысли

Вверху: одна из десяти египетских казней — Моисей обращает воды Нила в кровь; иллюстрация из мозарабской Библии X в.
Слева: голова еврейки из слововой кости (9—8 вв. до н. э.).

было произведение несколько иного рода — «Ме'ор энайим» («Свет очей», Мантуя, 1573) Азарии де Росси. Тогда как Закуто и Ибн Яхья ставили своей целью более или менее логически связанное изложение истории еврейского народа, выдержанное в основном в талмудистской традиции, де Росси занимали специфические темы, такие, как иудейско-эллинистическая философия Филона Александрийского (которая намеренно игнорировалась талмудистами); первоисточник Септуагинты; сравнительно позднее происхождение иудейского календаря; историческая ценность фольклора и иноказаний. Кроме того, по сравнению с другими современными ему еврейскими авторами у него было одно несомненное преимущество — он гораздо лучше их знал исторические источники других

Feceruntque similes maliciae seiporum in canaitionibus
suis et inducunt et eos pharisei nec audibit
eos sicut precepit dominus. Quia autem se in quibus
et domum suam nec adposuit eos in auctoritate.

Foderunt autem omnes seiporum per seiporum
fluminis aquam ut in ista non duntaxat potest
bibere deique fluminis implantata sunt
separatim die postquam percussit dominus fluvium. In

Dixit quoque dominus ad moysen. Incedite ad fontem
et dicite ad eum. Haec dicit dominus.

Dimittat partem namque aquae in foveam meam.

Sicut enim volueris dimittat. Ecce ego percussit

omnes aquas in fontibus. Et ebulliat

fluvius tuus. Quae ascendit et in quaedam

domum autem et cubiculum lectuli autem

et super seiporum autem et in domo sua.

народов: античные, средневековые, эпохи Возрождения.

Говоря о «новом» отношении к истории, нужно особо выделить «Скипетр Иехуды» Ибн Верга с его реалистической интерпретацией событий. Основной предмет этого сочинения — страдания и гонения, которые претерпел еврейский народ, — был чрезвычайно близок автору, пережившему вместе со своими соплеменниками изгнание из Испании. В своей работе он пытается разобраться в этом и подобных ему бедствиях, видя в них не только перст Божий и наказание за грехи, но и результат взаимодействия определенных исторических сил и поведения самих «сынов Израиля». «К изгнанию приводят естественные причины, — писал он, в основе которых религиозная ненависть и стрем-

ление короля Испании обратить всех в свою веру». И в то же время он понимал, что евреи в какой-то мере сами виноваты в своих страданиях из-за своего высокомерия, обособленности и ложных клятв.

У еврейских историков шестнадцатого столетия не оказалось прямых последователей. Атмосфера эпохи Просвещения с ее поиском универсальных ценностей и стремлением ко всеобщему прогрессу человечества ни в коей мере не располагала к углублению в частности. В конце XVIII в. немецкий философ еврейского происхождения Моисей Мендельсон, выдающийся представитель еврейского Просветительства (Гаскала), признавался: «Когда мне приходится читать что-нибудь историческое, на меня нападает зевота». С другой стороны,

HISTOIRE DE LA GUERRE DES JUIFS CONTRE LES ROMAINS. RESPONSE A APPION. MARTYRE DES MACHABEES. PAR FLAVIUS JOSEPH

ET SA VIE ECRITE PAR LUY-MESME.
AVEC
CE QUE PHILON A ECRIT
de son Ambassade vers l'Empereur Caligula.
TRADUIT DU GREC
PAR MONSIEUR ARNAULD DANDILLY.

A PARIS,
Chez PIERRE LE PETIT, Imprimeur & Libraire ordinaire du
Roy, rue St. Jacques, à la Croix d'Or.
M. DC. LXXIII.
AVEC APPROBATION ET PRIVILEGE.

Титульный лист
«Иудейской войны»
Иосифа Флавия (издание
1668 г.)

Древнееврейская Библия (1299), иллюминированная художником Иосифом Сарфати из Серверы (Испания).

именно в это время знание истории своего народа, его прошлого стало считаться совершенно необходимым для всякого «нового иудея», воспитанного на идеалах Гаскалы. Единственное сочинение на эту тему, появившееся в этот период, — пятитомная «История и религия иудеев» (1706—1711) французского протестанта Жака Баснажа. Однако предложение перевести ее на немецкий язык не встретило отклика.

«Научный иудаизм»

Но вот в начале XIX в. атмосфера, в которой работали еврейские мыслители в Западной Европе, совершенно изменилась. Изучение прошлого еврейского народа выдвинулось на первый план. Предтечей этого нового направления стал Исаак Маркус Йост, чей труд «История евреев» должен был стать «связующим звеном между синагогой и мировой культурой», иными словами, привести культуру еврейского народа в гармоническое соответствие со всеобщей историей. Однако работа Йоста, несмотря на всю свою несомненную значимость, сильно проигрывает в сравнении с успехами движения, известного под названием «Wissenschaft des Judentums» («Научный иудаизм»), начало которому положила группа молодых немецких ученых еврейского происхождения, обосновавшихся в Берлинском университете. В изданном ими в 1822 г. манифесте была провозглашена необходимость «научного» исследования иудаизма с целью «систематического раскрытия и представления этого предмета во всем объеме

во имя его изучения безо всякой скрытой цели... путем развития теории иудаизма в соответствии с его основными идеями... без каких-либо предубеждений и заранее определенной конечной цели».

Возможно, лучшим выразителем этих идей стал немецкий историк еврейского происхождения Леопольд Цунц (1794—1886). Выпускник университетов Берлина и Галле, он сумел взглянуть на прошлое еврейского народа сквозь призму литературы, в которой полнее всего воплотился дух иудаизма. Он посвятил свое исследование главным образом истории проповеди и литургии иудаизма, ритуальной поэзии и биографиям некоторых авторов, особенно подробно остановившись на личности Азарии де Росси.

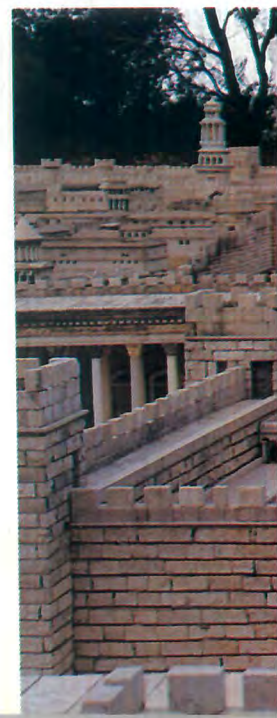
И хотя у Цунца не было прямых последователей, его работа дала серьезный толчок развитию еврейской исторической мысли в XIX—XX вв. Правда, это произведение объединяет разные точки зрения, однако идеал объективного ученого, провозглашенный «научным иудаизмом», оказался определяющим.

Не обошлось и без резкой критики. Итальянский ученый еврейского происхождения Шмуэль Давид Луццатто (1800—1865) заявил, что в погоне за объективностью ученые-практики забыли свой долг перед соплеменниками и подошли к изучению прошлого израильского народа точно так же, как другие к изучению истории Ассирии, Египта, Вавилона или Персии, и тем самым разрушили традиционный для евреев идеал единства идеи и действия.

Эта мысль получила дальнейшее развитие в работе Нахмана Крохмала из Галиции (1785—1840). Он расценил наметившийся исторический подход как серьезный вызов иудаизму. Как можно соотносить вечное и неизменное сотворенное Богом мироздание со свидетельствами вторжения человека в область передачи божественного учения? В то же время Крохмаль отмечал, что отрицание этой реальности может подорвать авторитет еврейской научной мысли в глазах молодежи и тем самым оттолкнуть ее от иудаизма.

И все-таки, несмотря на все эти противоречия, можно сказать, что еврейская историография внесла заметный вклад в становление национального самосознания и самоутверждения.

Как только революционные достижения

ЛАЙОНЕЛ КОХАН, английский историк; специалист по истории еврейского народа и европейской истории. Преподавал в университетах Эдинбурга и Восточной Англии, а также читал в Уорикском университете курс истории еврейского народа. Автор многочисленных трудов и статей.

исторической науки были полностью осмыслены, стали появляться выдающиеся имена: Генрих Грец (1817—1891) в Германии, Семен Дубнов (1860—1941) в России, Сало Барон (1895—1989) в США. Труды каждого из них претендуют на «универсальность» изложения истории еврейского народа, которую авторы рассматривают с совершенно разных позиций.

Грец, выпускник университетов Берлина и Йены, усматривает в иудаизме два плана — духовный и политический. Он делит всю историю Израиля на эру политики, закончившуюся в 587 г. до н. э. захватом Иерусалима и разрушением Храма; вторую, по преимуществу религиозную эпоху, продолжавшуюся вплоть до вто-

рого падения Иерусалима в 70 г. н. э.; и период «рассеяния», углубленного самосознания народа, ведущий к будущему образованию «религиозного конституционного государства». И хотя его многотомная «История евреев с древнейших времен до наших дней», вышедшая в 1853—1876 гг., не вполне соответствовала этой модели, она тем не менее стала одним из авторитетнейших источников своего времени.

Основная работа Дубнова — десятитомная «Всемирная история еврейского народа», впервые опубликованная в Германии в 1925—1929 гг. и переведенная впоследствии на несколько языков, опровергла духовную интерпретацию иудейской истории Цунца и Греча и предложила социологический подход, сосредоточив внимание на структуре автономии еврейского народа в разных районах диаспоры. Он исследовал динамику перемещения центра национальной жизни из Палестины в Вавилон и далее — в Испанию, средневековую Францию и Германию и, наконец, в Польшу и Литву. Дубнов утверждал, что все это лишь «замещало формы государственности» и в то же время помогало евреям сохранить свою индивидуальность и статус нации независимо от требований, предъявлявшихся к ним на той или иной земле или территории.

Монументальное трехтомное исследование Барона «Социальная и религиозная история евреев», первое издание которого появилось в 1937 г., а второе (в 18 томах) — в 1952—1983 гг., не имеет той стройности, которой отличаются труды Греча и Дубнова, зато гораздо лучше документировано и включает в себя результаты почти вековых изысканий. Барон отвергает так называемую концепцию исторического плача по еврейскому народу, объясняющую страдания и испытания, выпавшие на его долю, как способ самоопределения нации в диаспоре и на земле Израиля. Его сильная сторона — аналитический подход и обилие второстепенных данных.

Помимо этих фундаментальных трудов, знания в области истории еврейского народа значительно расширило и дополнило множество более специальных исследований. Некоторые из них написаны на иврите научными сотрудниками различных университетов Израиля; другие — на самых разных языках авторами из европейских стран и США. ■

Иллюстрации к трем периодам еврейской истории, выделенным Генрихом Грецем. Внизу: пророк Даниил и Навуходоносор (гобелен нач. XVI в.). Внизу слева: макет Иерусалима времен второго Храма. Слева: Улица цветов в еврейском квартале Кордовы (Испания).

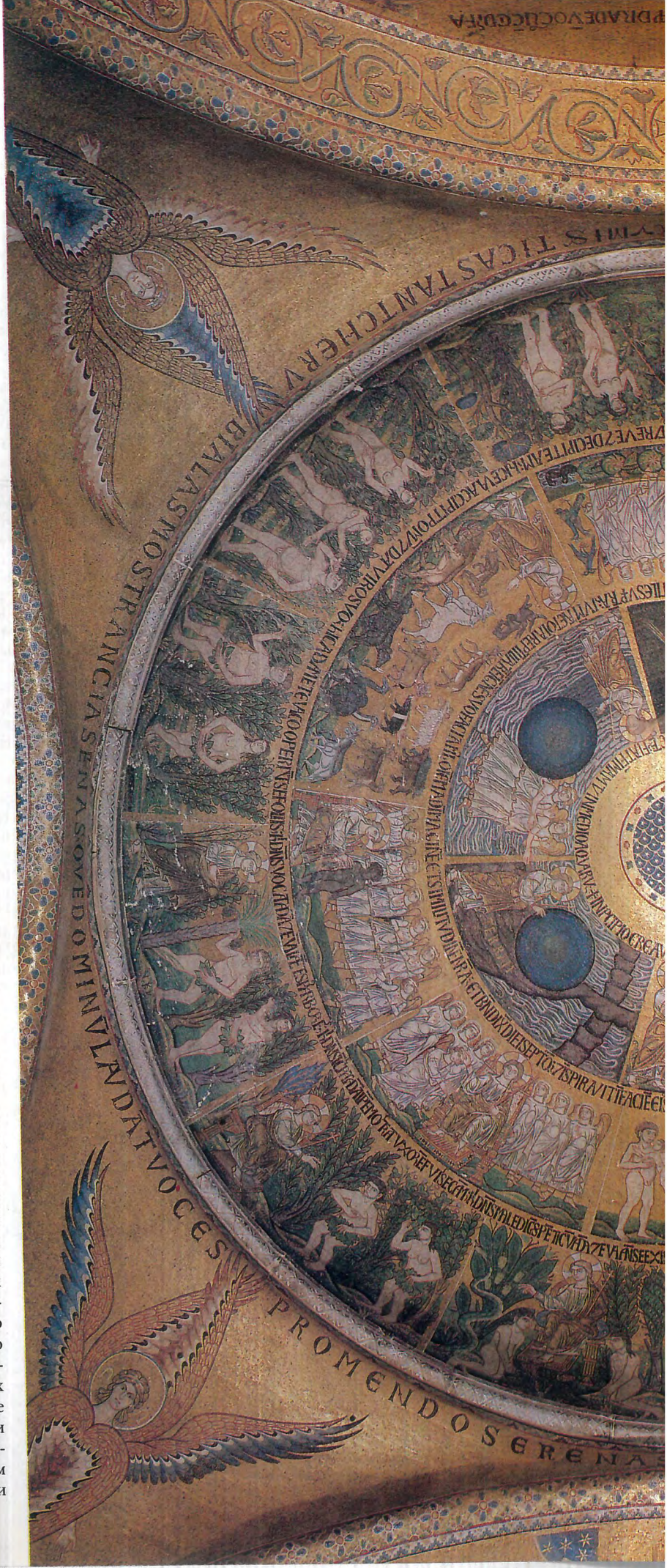

Между вечным и преходящим

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ГРАФ

ОТНОШЕНИЕ христианской веры к истории — центральный вопрос всей современной теологии. Начиная с эпохи Просвещения не было ни одного богословского труда, автор которого не пытался бы примирить христианство, издавна претендующее на обладание абсолютной истиной, с современным научным знанием, утверждающим историческую относительность всякого опыта, всякого достижения человеческой мысли.

Однако делать это становилось все труднее. В XVIII в. Лессинг, видный деятель немецкого Просвещения, говорил, что современного человека отделяет от ортодоксального христианина «страшная пропасть». В следующем столетии эта пропасть стала еще больше. К этому времени философам, теологам и историкам стало ясно, что любое историческое событие своеобразно и относительно, что в истории нет абсолютных критериев, применимых ко всем людям и эпохам. Но разве христианство не утверждает, что Иисус Христос играет в истории абсолютную роль? Разве не претендует оно на свою абсолютную истинность и обязательность для всех людей, независимо от места и времени? И все же, чем больше размышляли ученые о сущности христианской веры, с одной стороны, и особенности исторических фактов — с другой, тем длиннее становилась дистанция между верой и наукой.

В центре христианского вероучения, как и всякой религии, стоит поклонение Богу. На языке, принятом у западных философов и богословов (который в значительной мере несет на себе следы мировосприятия античных греческих мыслителей, и в частности метафизики Аристотеля), слово «бог» равнозначно слову «абсолют». Они понимали под этим некую творческую силу, безусловную и вечную, создавшую космос и человека. Творец представлялся им обладателем безраздельной власти; он был бесконечно выше своего творения. Это противопоставление Бога и мира, трансцендентального и имманентного, вечности и времени основополагающее для западной метафизики: Абсолют независим от того, что вне его, от всего конечного, а значит, и от мира, и от человека. Сотворенный же им мир, конечный и относительный, напротив, находится в постоянной зависимости от Абсолюта и познает себя только в Боге.

Чем Бог был более совершенным для мира, тем больше вера заключала в себе отказ от господства относительного, отстранение от истории. Вера дает человеку возможность возложить упование на Абсолют. Но поскольку Абсолют понятие вневременное, вечное, то обратиться к Богу означает отвернуться от мира; и все-таки это сила, которая одна только и может освободить человека от всего временного.

Христианские мистики довольно рано пришли к пониманию молитвы как слияния человека с вечностью, как выпадения из истории и осознания своего истинного священного предназначения. И с этих позиций христианская набожность всегда подспудно обесценивала историю, равно как и весь этот тленный мир относительных ценностей.

Концепция истории в Ортодоксальной Церкви

Именно так подходили к истории человечества и Церкви древние вероучители. Они находили во всемирной истории различные свидетельства всемогущества Божия и обобщали их, подобно тому как это делалось на основе древнеиудейской традиции (Ветхого Завета), евангельских текстов и апостольских посланий.

Сам апостол Павел рассматривал историю с богословских позиций: в его понимании сотворение мира и искупление человечества были теснейшим образом связаны между собой. Центральное место он отводил Иисусу Христу как абсолютной квинтэссенции истории. Лишь он один придает смысл и законченность всем деяниям человеческим. Итак, всеобщая история началась божественным актом творения. Но грехопадение разрушило священный порядок, и мир пришел в расстройство; об этом особенно красноречиво свидетельствуют описанные в Ветхом Завете исторические катастрофы, постигшие народ Израиля. Но в Иисусе Христе открылась человечеству новая эра — эра спасе-

Мозаика, представляющая сцены Бытия, на куполе церкви св. Марка в Венеции (нач. XIII в.).

ния. И апостол Павел наполняет эту идею конкретным историческим содержанием: провозглашает отказ от естественного противопоставления мужчины и женщины, конец вражды между народами, освобождение рабов от социального неравенства с их хозяевами и новое рождение всех людей, становящихся действительно свободными.

Таким образом, можно определить версию апостола Павла как «историю спасения»: все, что происходит с человечеством, рассматривается им сквозь призму второго пришествия Иисуса Христа и осуществления явленного в нем спасения. Апостол Павел подходил ко всемирной истории с телеологической точки зрения: он видел ее окончательную цель в действительном спасении каждого человека, дарованном людям через Иисуса Христа.

Вот почему Церковь была для него средоточием истории: ведь именно она должна была передать людям благую весть о спасении во Христе. Только прибывшись к ее деятельности, приблизится человечество к конечной цели, предопределенной ему божественным Промыслом, — второму пришествию Христа и утверждению царства его «не от мира сего». В свете этой идеи реальная история человечества, равно как и история отдельных государств, теряет всякое значение. Только Церковь действительно приближает нас к Царству Божию.

Первые христиане ставили во главу угла веру; они не сомневались, что второе пришествие близко и Господь непременно приведет историю к спасительному финалу. Поэтому все внимание ранних богословов с самого начала было сконцентрировано на обстоятельствах истории Церкви. Гонения со стороны римских властей, затем триумфальное утверждение по всей Римской империи, символически увенчавшееся крещением в 337 г. императора Константина Великого, — все это делало события церковной истории объектом богословских размышлений.

Первый опыт исторического обобщения того, что произошло в первые века христианства, предпринял в начале IV в. Евсевий Памфил, епископ Кесарии. Его «Церковная история» сохраняла свое значение вплоть до нового времени. Метод Евсевия, позволявший ему тесно увязывать конкретные исторические события с богословским осмыслением всемирной истории, использовался католическими церковными историками на протяжении многих столетий.

Такая интерпретация была важна с двух точек зрения. Во-первых, история Церкви вела отсчет с рождения и выхода на служение Иисуса Христа. Вся предшествовавшая история иудеев и язычников была, по Промыслу Божию, всего лишь подготовкой к этому главному событию — искуплению человечества; а религии, существовавшие до Христа, готовили людей к тому, чтобы они смогли воспринять его учение. Таким образом, христианство, по сути дела, не было какой-то новой религией, оно существовало вечно, просто до Христа оно не было открыто проповедано всем. Евсевий рассматривал иудаизм и греческий политеизм не как нечто совершенно «чуждое», а как прообраз еще не оформившегося христианства. Поэтому всю историю до

пришествия Христа он смело включил в историю Церкви.

Во-вторых, для Евсевия вся жизнь Церкви и мира — постоянная борьба Добра и Зла, Бога и дьявола. Следовательно, вся наша полная конфликтов история — непрерывная цепь столкновений добрых людей, преданных Богу и Церкви, со злыми, которые служат сатане и гонят Церковь. Но он был глубоко уверен, что в этой борьбе с внешними врагами и еретиками сам Господь держит руку своей Церкви и святая истина в конце концов восторжествует. По Евсевию, история Церкви — это повествование о постоянном росте ее могущества и приближе-

«Проповедь апостола Павла». Картина художника сиенской школы Люка ди Томме (Италия, XIV в.).

нии ею Царства Божия. Таким образом, она становилась центральной осью развития всемирной истории.

Реформация и критическое переосмысление истории Церкви

В XVI в. реформаторы католической Церкви, особенно Мартин Лютер и Жан Кальвин, подвергли фундаментальной критике католическую точку зрения, согласно которой Церковь всегда считалась торжествующей, постоянно упрочивающей свое могущество. Реформация возникла как движение, протестующее против официальной Церкви. Отвергая власть папы и священников над душами верующих, она провозглашала «свободу каждого христианина» (Лютер). Ведь спасение несет людям не Церковь, а слово Божие, а оно доступно каждому, стоит лишь открыть Священное Писание. Таким образом, провозглашая «свободу каждого христианина», реформаторы умаляли значение Церкви. Индивидуальная набожность была для них выше священного института.

Такое ограничение роли Церкви одновременно указывало на то, что главенствующее значение приобретала сама жизнь: нельзя же дела мирские окружить какой-то особой набожной атмосферой, они творятся в конкретных жизненных обстоятельствах, в которых по воле Божией оказываются люди; в них-то и проявляется, по сути дела, христианская вера. Для реформаторов превыше всего стоит именно живая вера, примирение с миром, активная заинтересованность в его судьбе.

Кроме того, они хотели глубоко переосмыслить и саму историю Церкви. Подверглась критике основа основ. В изложении протестантских историков XVI—XVII вв. история священного учреждения имеет чисто функциональное назначение: подтвердить право реформаторов бороться против авторитарной природы Римско-Католической Церкви. Итак, триумфальное повествование Евсевия Памфила сменило описание внутреннего разложения Церкви. И чем более могущественной она становилась, тем дальше отходила от истинной веры. Различие, которое делал Евсевий между носителями церковной власти и еретиками, между добрыми христианами и богоборцами, больше не отвечало действительности: именно высшие иерархи зачастую оказывались врагами Христа. А значит, отныне в центре церковной истории должны быть сами верующие, несущие миру простые и вечные христианские истины.

Реформация превратила церковную историографию в орудие критического переосмысления канонической церковной традиции. Будучи с самого начала настроены против всех ее претензий на исключительность, ученые проникались все большим скептицизмом относительно тех источников, ссылаясь на которые Церковь старалась узаконить свое господство и обосновать примат папской власти над императорской. Они хотели освободить простого христианина от ложной зависимости от Церкви. С помощью такой критики и усиленного перетолковывания Священного Писания протестантская церковная историография проложила дорогу критическим исследованиям нового времени, начатым учеными эпохи Просвещения и продолженным в XIX в.

Абсолютная ценность христианства и сравнительная история религий

Немецкое Просвещение внесло глубокие поправки в традиционную интерпретацию христианства и его истории. Действительно, в ходе европейской экспансии, которая заставляла открывать все новые страны и культуры, западные ученые столкнулись со множеством незнакомых им ранее культов и религиозных традиций. Им пришлось признать, что с исторической точки зрения христианство всего лишь одна из целого ряда религий. Правда, на первых порах они еще продолжали догматически утверждать, что оно одно истинно, а все остальные ложны и являются плодом религиозных заблуждений или по крайней мере ущербны по сравнению с христианством.

Однако, чем больше европейские мыслители

Голова Христа. Фрагмент росписи свода коммодильских катакомб в Риме (середина IV в.).
Внизу: «Рай и Ад». Болонская школа, XV в.

интересовались историей нехристианских религий, тем яснее видели в них много сходного и отмечали взаимное влияние христианства и других вероучений. Это заставило их начать рассматривать историю христианства в соотношении со всеобщей историей религий. Как же было примирить такой подход с извечной претензией христианства на обладание абсолютной истиной? Должен ли современный историк непременно отвергнуть идею общечеловеческой ценности веры Христовой?

В XVIII в. в немецком протестантизме разгорелись страсти вокруг этого вопроса. Философы и теологи, представители «немецкого идеализ-

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ
ГРАФ,
теолог и историк из ФРГ;
преподаватель
Университета Аугсбурга,
специализирующийся
главным образом на
изучении протестантизма и
демократии в Германии, а
также на основах теории
богословия и этики. Автор
многочисленных
богословских трудов.

ма» — Шлейермахер, Шеллинг, Гегель, — попытались принять вызов исторического критицизма. Они представили христианство как некую «абсолютную религию» и в этой новой роли вновь включили его во всеобщую историю религий, сохранив за ним традиционное исключительное право на истину. Получилось, что, с одной стороны, это действительно всего лишь одна из многих религиозных доктрин, не более чем частное, исторически обусловленное проявление такого универсального феномена, как религия. Однако, с другой стороны, оно отличается от других, поскольку только оно позволяет в полной мере осуществить общее предназначение всех религий — примирить человека с Богом.

Выработав универсальную концепцию и считая, что им удалось перегруппировать все известные религиозные доктрины, существовавшие на протяжении истории человечества, они объединили их в соответствии с исторической схемой, основанной на теории эволюционного развития. Проследив весь путь от примитивных культов через обожествление сил природы к верованиям, давшим жизнь целым цивилизациям, история религий предстала как процесс, конечная цель которого — действительная реализация основной идеи всякой религии.

В XIX в. эта эволюционистская теория получила широкое распространение во всех европейских странах. Согласно ей, христианство рассматривалось как высшая форма религиозной цивилизации, как религия свободной личности. Именно его в той или иной степени отождествляли с универсальным понятием религии. Успех такой интерпретации был обусловлен тем, что она позволяла увязать открытие учеными множества других религий с главен-

ствующим положением христианской веры. Подобная модель вполне отвечала интересам западного империализма.

Между тем начиная с XIX в. быстрое накопление знаний по истории религий разрушило идеалистическую посылку, согласно которой ход истории обусловлен некоей целью, равноценной только себе самой. Чем глубже вскрывали ученые специфику каждого вероучения, тем дальше отходили они от понимания истории религий как единого эволюционного процесса и объединения всех культов в рамках одной концепции. На смену идеалистической вере в разумное единство множества пришел исторический плюрализм, выдвинувший на первый план уже не общий принцип, а индивидуальные особенности многочисленных религиозных учений.

Если к истории подходить действительно критически, то нужно отказаться от понятия «абсолютной религии» как от догматического и, следовательно, антинаучного. Последствия такой перемены подхода для христианства широко обсуждались в начале XX в. в Европе и США. Значительную роль в этой полемике сыграл либерально настроенный протестант Эрнст Трельш.

Выступая в 1902 г. на знаменитой конференции по проблеме соотношения абсолютной ценности христианства с результатами сравнительного исследования истории религий, он публично отрекся от понятия «абсолютная религия», оставив за христианством право на «относительное превосходство» (поскольку его действительно невозможно разобрать с помощью узкоисторического метода), и, не оспаривая его истинности, в то же время заметил, что, на его взгляд, доля истины есть во всех бесчисленных религиозных доктринах. ■

Внизу: портрет Мартина Лютера, выполненный немецким художником и гравером Лукасом Кранахом Старшим (1472—1553).
Справа: портрет Жана Кальвина, сделанный студентом во время лекции.

Справа: персидский город. Иллюстрация к «Книге дорог», описывающей военные походы султана Сулеймана I Великолепного (1494—1566).

Ислам

Царство историографии

АБДЕССЕЛАМ ШЕДДАДИ

ИСТОРИОГРАФИЯ исламского Востока («тарик») поражает прежде всего своим объемом. На сегодняшний день опубликована лишь небольшая ее часть, а ученые продолжают обнаруживать все новые и новые тексты. Со второй половины 1 в. хиджры (конец VII в. н. э.) по 13 в. хиджры (XIX в.) история мусульманских народов фиксировалась практически непрерывно везде, где исповедовался ислам. Записи велись в основном на арабском, но есть произведения и на фарси, турецком и малайском языках. В большинстве своем авторы исторических трудов мусульмане, однако встречаются среди них и христиане, выходцы из Египта и Сирии.

Другой важной чертой исламской историографии является необычайное разнообразие форм и жанров. Сюда относятся всемирные и всеобщие истории, летописи и генеалогические таблицы царских династий и знатных родов, перечни классов («табакат»), а также биографические словари и истории отдельных стран и областей. Историческая литература охватывает самые разнообразные сферы жизни и деятельности мусульманских народов: религиозную, политическую, административную и общественную, науку, а также литературу, искусство, философские школы и направления; в ней находят место топография городов, описания путешествий, исторических памятников и сооружений, стихийных бедствий, голода, эпидемий. Историки, писавшие в этой традиции, проявляли интерес и к неисламским цивилизациям, к жизни народов Западной и Северной Европы, Индии, Китая, Дальнего Востока и Африки.

Круг их интересов был чрезвычайно широк: человек и его связи с социальной и культурной средой; его отношение к Богу. Ибн Хальдун (см. врезку на с. 39) отмечал, что труды историков в равной мере предназначались и для «сильных мира сего», и для простого народа, для «черни». Их взгляды на историю как на всемирный процесс и стремление заинтересовать самую широкую аудиторию в какой-то мере предвосхитили современный подход к исторической науке.

Постижение времени

Внимание, уделявшееся мусульманскими историками понятию времени и хронологии событий с первых шагов развития историографии, также сближает ее с современной наукой. С 1 по 4 в. хиджры (VII—X вв.) в исламской культуре был накоплен немалый запас знаний о категории времени. Опираясь на более раннюю арабскую традицию, она использовала достижения персидских, индийских, греческих и египетских ученых, а также знания астрономов и географов. Великолепный труд Бируни, написанный в первой половине 5 в. хиджры (XI в.), отличается объективностью изложения. Это наиболее полный и тщательный обзор знаний по категории времени, сделанный в средние века.

Мусульманские историки широко использовали эти знания. Начиная со 2 в. хиджры (VIII в.) вошло в практику датировать события, излагать материал в хронологическом порядке и сопровождать текст таблицами. Указывать год, месяц и день описываемого события стало для них непреложным правилом. Это тем более приме-

чательно, если вспомнить, что в западной историографии единая хронологическая система получила распространение лишь в XI в., причем достоверность принятой последовательности изложения главных исторических событий оставалась сомнительной вплоть до XIV в.

Оригинальность и ограниченность

Своеобразие исламской историографии и ее ограниченность обусловлены концепцией исторической информации («хабар»). «Хабар» означает факт, событие, упомянутое в беседе или предании. Историк не оперирует взятым из жизни материалом, а отталкивается от имеюще-

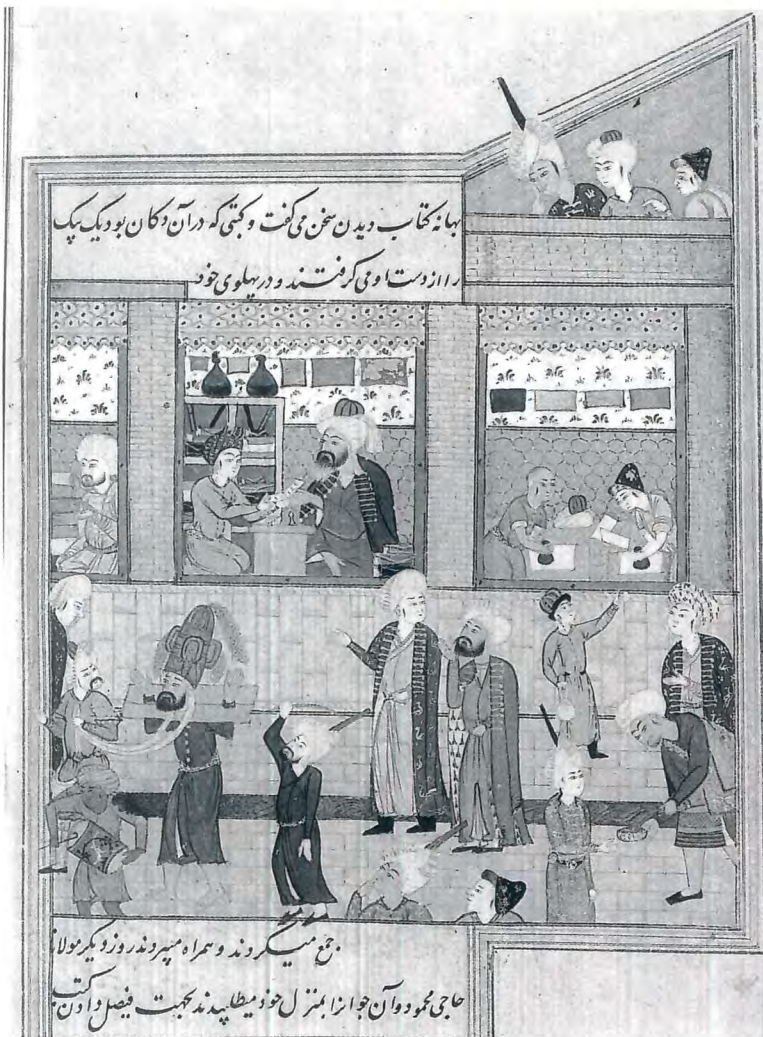
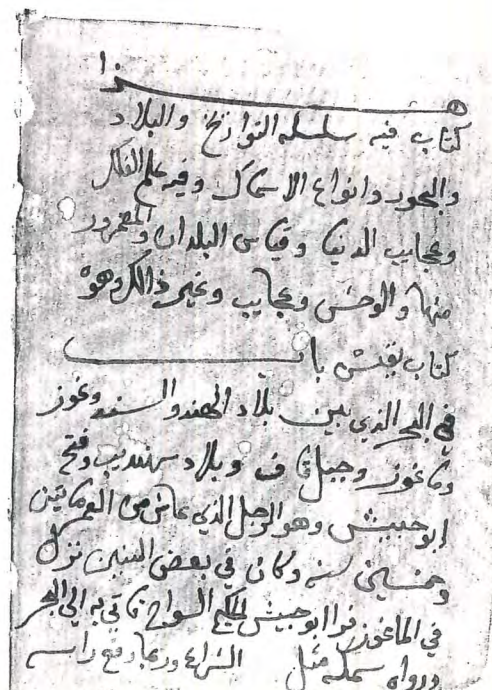
люцию и упадок таких больших сообществ, какие образовывали арабы, берберы, персы и «румы» (так мусульмане называли древних греков, римлян и византийцев).

Три главных этапа

Начальный период развития исламской историографии, продолжавшийся до 3 в. хиджры, завершается хроникой ат-Табари «Китаб ар-Русул ва аль-Мулюк» («История пророков и царей») (см. врезку на с. 38). Летосчисление, в котором за отправную точку берется хиджра (622 г.), становится общепринятым. «Иснад», принцип, согласно которому указывалось имя того, кто передавал информацию от одного поколения другому, был введен сначала в науках, связанных с религией, затем использован в жизнеописании Пророка и в истории исламских завоеваний и, наконец, утвердился во всех других исторических жанрах.

Для ранней историографии были характерны такие жанры, как «магази» и «сира» (жизнеописание и деяния Пророка и его сподвижников), «футух» (исламские завоевания), «ахдас» (важные политические события), «акбар аль-аваил» (история доисламских царей и народов), «аям аль-Араб» (рассказы о прошлом арабов), «ансаб», «маасир» и «магалиб» (генеалогии, подвиги и поражения), биографии ученых, списки учителей, политические и административные хроники, истории династии Омейядов и Аббасидов, сборники писем секретарей. Постепенно распространилась и практика точно датировать факты и события и придерживаться хронологического порядка изложения.

Издавались многочисленные компендиумы, такие, как «Магази» аль-Вакиди, «Сира» Ибн Исхака, «Табакат» Ибн Саада, «Ахбар ат-тивал» ад-Динавари, «Ансаб аль-ашрай» аль-Баладури и «Тарих» аль-Якуби. Все вместе они составили

Вверху: фрагмент рукописи «Сборник биографий ученых и мистиков», в которой Хусейн Байкара (1469—1506), последний персидский царь из династии Тимуридов, в стихах и прозе описывает жизнь святых суфиев. Слева: иллюстрация из походного дневника. Турецкая рукопись (1605—1606). Справа: фрагмент арабской рукописи XII в., рассказывающей об обычаях Индии и Китая.

гося в письменной и устной традиции предания или рассказа, переданного очевидцем событий (им мог быть и сам автор). Главная задача ученого — установить подлинность рассказа, подвергая критическому анализу как само сообщение, так и его источники. Историк не выискивает факты, а лишь собирает их воедино и классифицирует, удостоверяясь в их надежности. До Ибн Хальдуна, положившего в основу исследования знание законов устройства человеческого общества («умран»), истинность сообщений не слишком волновала ученых.

Достаточно было вплоть до мельчайших деталей признавать достоверность Корана и других религиозных текстов. Их можно было включать в повествование самых разных жанров и размещать по своему усмотрению в более или менее объемных сборниках, но нельзя было трактовать по-своему, изменять их структуру или форму согласно своим взглядам и замыслам.

Мусульманские историографы не воссоздавали прошлое, как это делали историки Древней Греции, не было здесь и аналога средневековой христианской теологической истории. Этим объясняется их беспристрастность, не раз отмечавшаяся исследователями, а также статичная концепция времени, которое не несет в себе возможности развития или прогресса и лишь внешне организует цепь исторических событий. Только Ибн Хальдун (и в этом он опередил других ученых) по-новому подошел к рассмотрению их взаимосвязи, проследив возникновение, эво-

АБДЕССЕЛАМ ШЕДДАДИ,
марокканский историк;
профессор педагогического
института в Рабате,
исследователь творчества
Ибн Хальдуна. Перевел на
французский язык его
автобиографию
и отрывки из его
исторических трудов.

Ат-Табари

АТ-ТАБАРИ (839—923), хотя и не был родоначальником мусульманской историографии, является выдающимся представителем этой науки. Его «История пророков и царей» послужила образцом для подражания многим исследователям. Эта историческая хроника, год за годом раскрывающая картину жизни мусульманского мира первых трех веков хиджры, получила свое продолжение в трудах более поздних авторов; доисламский период представлен в них в многочисленных вариантах и обработках. Все они были использованы Ибн аль-Атиром (XIII в.) в его труде «Завершенность» («аль-Камил») и Ибн Катхиром (XIV в.) в произведении «Начало и конец» («аль-Бидава ва-н-нихайа»).

Ат-Табари получил образование в области правоведения, истории и традиционалистики, а потом, желая расширить свои познания, тридцать лет странствовал по городам и весям Ближнего Востока в поисках лучших учителей. Его интересовали не только история, учение Пророка и толкование Корана, но и грамматика, этика, математика и медицина. Однако известность он снискал благодаря своему многотомному сочинению «Тафсир», посвященному именно толкованию Корана.

Возникшая в результате эволюции, начавшейся с 1 в. хиджры, его «История» систематизировала метод изложения информации на базе свидетельств очевидцев, подвергая их тщательному анализу. Ат-Табари представляет материал в строгом хронологическом порядке. В его произведении основы всеобщей истории, заложенные ад-Динавари в «Длинные рассказы» («Акбар ат-Тивал») и аль-Якуби в «Тарик», получают свое развитие, приобретая более законченную форму.

«История» ат-Табари охватывает период от сотворения мира до современной автору эпохи. В предисловии объясняется, что книга, по сути дела, представляет собой описание истории отношений всего сущего к Богу: послушания и благодарности, неповиновения и бунта. Ее первые герои — Иблис (сатана) и Адам с сыновьями, затем их сменяют пророки и цари. Здесь нашли отражение и библейская, и греко-римская, и византийская, и персидская традиции.

Этот труд — кладезь информации. Следуя избранному им методу, автор по каждому факту ссылается на источник, благодаря чему мы получаем представление о древних, теперь уже утраченных документах. Как писал Франц Розенталь, в «Истории» ат-Табари проявились «скрупулезность и вдохновенность богослова, точность и любовь к порядку юриста и проницательность сведущего в законах политика».

АБДЕССЕЛАМ ШЕДДАДИ ■

обширную литературу, из которой до нас дошло относительно немного и о существовании которой мы знаем лишь по названиям, перечисленным в более поздних библиографических списках, как в работе «Фихрист», написанной Ибн ан-Надимом в 377 г. хиджры (998 г.).

Для второго, классического периода характерно укрепление наметившихся тенденций, сопровождавшееся, однако, некоторым ослаблением принципа «иснад» и появлением новых жанров. Еще одну всеобщую историю, «Золотые луга», написал последователь ат-Табари историк ам-Масуди, не имевший, правда, такого влияния, как его предшественники.

Начиная с 4 в. хиджры занятие историографией получило более или менее официальный статус, при этом все шире стали использоваться национальные и местные архивы. Наиболее заметным историком этого периода был Хассан ибн-Сабит ибн-Синан ас-Саби, положивший начало направлению, продолженному Мискава-яхом, автором «Таджариб аль умам» («История династии Буяидов»), а в следующем веке — Абу Шуджа Х.

Популярным жанром стали истории городов. Таких сочинений появилось множество, и среди них «История Багдада» аль-Хатиб аль-Багдади, снискавшая наибольшую известность.

Ибн Хальдун

ИБН ХАЛЬДУН — один из величайших мыслителей и историков прошлого. Благодаря подробной автобиографии, которую он оставил, нам хорошо известны события его жизни. Он родился в 1332 г. в Тунисе в семье высокопоставленных чиновников и ученых, выходцев из Андалусии, ведущих свой род от древних иеменских арабов. Ибн Хальдун получил прекрасное религиозное, литературное и научное образование, его учителями были выдающиеся ученые Магриба. Когда он был еще подростком, правитель династии маринидов Абу-ль-Хасан завоевал Ифрикию и в 1348 г. вторгся в Тунис. А через год в стране началась эпидемия чумы, которая унесла его родителей. В 1352 г. Ибн Хальдун отправился в Фес, где провел десять лет, став канцлером при дворе султана Абу Салима. Но ни здесь, ни в Гранаде, куда он ездил в 1362 г., ни в Бужи и Тлемсене не удалось ему обрести стабильности в жизни, воплотить свой политический идеал. Однако в странствиях он хорошо узнал жизнь двора и работу государственных чиновников, изучил обычаи арабских и берберских племен.

Когда в 1375 г. Ибн Хальдуну исполнилось 43 года, он отошел от политики и целиком посвятил себя науке. Найдя пристанище в замке Калаат (Алжир) при дворе Ибн Салама, он написал первый вариант «Введения» («Мукаддима»). Но для дальнейшей работы ему потребовалось множество источников и документов. Пришлось оставить уединение и вернуться в Тунис. Здесь Ибн Хальдун занялся преподаванием и одновременно завершил первый вариант «Китаб-аль-Ибар...» («Книга поучительных примеров...») — монументального труда по всемирной истории. Но интриги недоброжелателей вынудили ученого покинуть Магриб. В 1384 г. он переселился в Египет. В Каире после представления мамлюкскому султану аль-Захир Баркуку он занялся преподавательской и судебной деятельностью, сочетая ее с работой над своим обширнейшим трудом. За пять лет до смерти, в 1406 г., он стал свидетелем осады Дамаска войсками Тамерлана и оставил удивительно точное описание этого человека.

Ибн Хальдун был прежде всего историком. Он стремился нарисовать как можно более правдивую картину современной ему эпохи — «образец для историков будущего». А поскольку существовавшие в те времена традиции фактографии его не удовлетворяли, он сформулировал теорию общества, которая и легла в основу его дальнейших трудов. В своем «Введении» Ибн Хальдун заложил фундамент науки, названной впоследствии этнографией. Напомним только некоторые концепции, впервые выработанные им.

Центральной в его теории развития общества была концепция «умран», которую приблизительно можно перевести как «цивилизация», исключив при этом противопоставление «развитого» и «отсталого» общества. «Умран» исходит из идеи божественности мироздания и означает саму жизнь человека на земле, устройство человеческого общества в целом. Человек — творение Божие, он создан свободным и равноправным и должен быть властелином на земле. Но жизнь людей неодинакова, ибо определяется географическими и климатическими условиями. «Умран» — это и формы социальной жизни, точнее, жизни городской (с ее большим скоплением людей) в отличие от сельской (в горах или пустыне).

Ибн Хальдун различает две фазы развития общества. Первая, кочевая (занятие земледелием и скотоводством), близкая к природе, удовлетворяет только самые простые потребности человека. Вторая, более сложная, — «городская» (занятие ремеслом и торговлей) с характерным для нее появлением излишков. На этой стадии общество, реализуя возможные возможности, достигает своей цели. В соответствии с непреложным законом «умран» постоянно колеблется между этими двумя состояниями.

Ибн Хальдун полагал, что «мульк» (власть) является основной движущей силой общественно-исторического развития. Источник престола, она становится объектом вождений и стремлений человека, постоянно подталкивая его к действиям. Власть по своей природе не прочна, она все время переходит от одной группы к другой, от одного народа к другому. Являясь средством перераспределения излишков и упорядочения общества, она играет решающую роль при смене фаз. Именно на этом принципе строит Ибн Хальдун свой труд по истории общества. Он прослеживает путь народов, преимущественно арабов и берберов, один за другим завоевывавших власть: от кочевничества до владычества над другими народами и, наконец, падения.

В основные понятия включено множество мелких. В социальном плане это сплоченность, родство, покровительство, честь; в политическом — принуждение, насилие, господство, власть; в экономическом — средства существования, или заработок, стоимость, труд.

Концепции Ибн Хальдуна, выведенные им законы жизни арабо-берберского общества, его синтетический подход к истории исламского мира по сей день остаются неисчерпаемым источником знаний для историков и этнографов.

АБДЕССЕЛАМ ШЕДДАДИ ■

Вверху: «Введение» Ибн Хальдуна, фрагмент рукописи на пергаменте (1733).

Слева: «Государь наблюдает за работами в саду» — иллюстрация к мемуарам Бабура (1483—1530), основателя империи Великих Моголов на севере Индии.

Увеличилось число биографических словарей, отражающих религиозную и интеллектуальную жизнь общества, усложнилась их структура. Они включали имена поэтов и мыслителей, сведения о различных религиозных и правовых школах и принадлежащих к ним ученых, каталоги писателей и жития святых. Так богатая историографическая традиция пустила корни во всех уголках мусульманского мира.

Однако политические потрясения середины 5 в. хиджры (XI в.) не могли не сказаться на развитии историографии, когда начался ее третий период. До середины 6 в. хиджры (XII в.) область исторических исследований заметно

сужена. Ведущая роль в историографии на время перешла к Сирии, где работали такие ученые, как Ибн ат-Таяи, Ибн ад-Дам и Ибн ан-Насиф, создавшие свои варианты всемирной истории. Вскоре к этой плеяде присоединился Ибн аль-Атхир, автор «аль-Камил» («Завершенность»). Затем наступил черед Египта, давшего таких крупных историков, как Ибн Хаджар, аль-Макризи, аль-Ксани, Ибн Тигрибирди, ас-Савани и ас-Суюти. И наконец, этот период ознаменовался появлением в Магрибе Ибн Хальдуна, чей труд первооткрывателя вызывал восхищение современников, но, к сожалению, не имел последователей. ■

Вслушиваясь в голос истории

БОГУМИЛ ЕВСИВИЦКИЙ
и В. И. МУДИМБЕ

Гриот из племени сенуфо,
Кот-д'Ивуар.
На с. 41: в Джосском музее
(Нигерия).

ЕЩЕ совсем недавно история Черной Африки существовала лишь в виде документов, составленных европейскими завоевателями. Сегодня же она выделилась в самостоятельную научную дисциплину, и уже никто не осмелится заявить (как это позволяли себе некоторые ученые в середине нашего века), что у африканцев есть прошлое, но нет истории, поскольку отсутствуют письменные свидетельства. Считалось, что общественным формациям Черной Африки совершенно чуждо понятие времени. Подобная узость лишь усугубляла изоляцию континента, который и без того, как считал Гегель, не участвовал в процессе становления мыслящего человечества.

Отчуждение Африки от истории иудейско-христианской цивилизации, ставшей, подобно монотеизму, универсальной нормой, в 50—60 годы нашего века определило направление борьбы африканской интеллигенции, получившей образование на Западе. Она требовала признания национального достоинства африканцев, добивалась того, в чем ей недвусмысленно отказывали: права на универсальность, признания вклада жителей континента в историю человечества. Наряду с осознанием роли искусства утверждалось и историческое самосознание, потребовавшее последовательного восстановления прошлого африканских народов.

Вдохновение интеллигенция черпала в основном в наследии своих соотечественников, посвятивших себя во имя признания общечеловеческой ценности исторического наследия континента поискам африканских древностей на Западе. Исследователи стремились определить место черной расы в культуре, суть которой была выведена мыслителями эпохи Просвещения из идеалов греко-римской и иудейско-христианской цивилизации, а это неизбежно вело к низвержению гегелевской философии истории.

Академическая историография

В противовес Гегелю Анта Диоп в своих работах, опубликованных на Западе, выдвинул теорию, утверждавшую, что истоки западной цивилизации, по сути дела, восходят к культуре Древнего Египта. Подобно многим современным ему видным африканским мыслителям, Диоп на удивление верен Гегелю. В то же время зачинатели историографии Черной Африки Аде Аджайи и Жозеф Ки-Зербо расценивали период «колониальной аномалии» на континенте как

своего рода сошествие во ад, заслуживающее только забвения. И в том и в другом случае будущее Африки выводится из ее славного прошлого, будь то времена Древнего Египта, как у Анта Диопа, или доколониальная эпоха, как у Аде Аджайи и Жозефа Ки-Зербо.

Однако появление разработанной Эме Сезером и Леопольдом Сенгором теории негритюда не только заставило Запад да и весь мир признать роль африканских культур, но и вызвало у представителей академической историографии стремление доказать историчность африканских общественных формаций. Между университетскими историками, африканистами и сторонниками философского подхода (к которым относился Анта Диоп), существовали серьезные разногласия, хотя и те и другие считали необходимым увязывать описание прошлого с современным уровнем политической мысли. Первые рассматривали его в рамках национальных государств, вторые (Диоп и историки африканской диаспоры) мечтали об объединении всех народов континента.

В течение трех десятилетий (1950—1980), за время которых история Африки стала общепризнанной академической дисциплиной, основным предметом ее изучения было государство. Сегодня мы располагаем двумя фундаментальными трудами: «Всеобщая история Африки» и «Cambridge History of Africa» («Кембриджский курс истории Африки»). На памяти одного поколения история Африки стала неотъемлемой частью истории человечества. Учеными была проделана огромная работа по сбору и переводу устных сказаний сотен африканских племен, осуществлен сравнительный анализ этих памятников и письменных свидетельств представителей западно-европейской и мусульманской культур. Благодаря достижениям археологии, лингвистики, появлению новых технических средств, а также таланту и стойкости исследователей, столкнувшихся с хронологическими несоответствиями устных источников, мы располагаем сегодня огромным фактологическим материалом в этой области.

Есть и прекрасные научно-популярные работы, в частности написанные по-французски И. Каке и Е. М'Боколо. Кроме того, ЮНЕСКО собирается издать сокращенный вариант «Всеобщей истории Африки» и перевести его на африканские языки. Тем не менее результаты фундаментальных исследований пока еще недостаточно включаются преподавателями в курсы истории, читаемые в африканских университе-

**Раскопки в Дженне (Мали),
бывшем некогда центром
древней цивилизации.**

тах. Эту проблему усугубляет кризис в издательском деле и книготорговле.

Обращение к устной традиции, характерное не только для африканской историографии, получило официальное признание академических кругов и способствовало развитию методологии исследований, разработанной Яном Вансиной. Анализ устных памятников изначально потребовал тесного сотрудничества историков, этнографов и лингвистов, что привело к стиранию граней между этими дисциплинами, а также к признанию концепции «этнографической реальности». Возникло искусственное деление прошлого Африканского континента на два временных пласта, между которыми вклинился период колонизации. Доколониальная история стала представляться неким кладезем исконно африканской культуры, в то время как колониальная эпоха игнорировалась, рассматривалась как аномалия, сопровождавшаяся аккультурацией и иностранным господством. Из концепции «этнографической реальности» выросла и такая устаревшая на сегодняшний день идея, согласно которой Черная Африка якобы представляет собой живой музей эволюции человечества.

Устная традиция и исторический факт

Мысль о том, что устная традиция не заслуживает внимания или что она существовала только в колониальный период, неверна и даже опасна. Не менее ошибочна теория, утверждающая, что в эту эпоху африканские общества полностью утратили контроль над своим развитием. Это породило множество ложных представлений, например о том, что урбанизированный африканец — это культурный отщепенец и только сельский житель, остающийся в традиционном социуме, может считаться носителем специфической африканской культуры. Все эти идеи оказали значительное влияние на африканистику. Научные учреждения и отдельные исследователи занялись изучением традиций различных госу-

дарств и жизни великих вождей. Не желая терять времени, они обратились к наиболее древним устным памятникам, ведь недаром говорится: «Каждый умерший старик подобен сгоревшей библиотеке».

Ученые уделяли особое внимание документальному подтверждению устных исторических памятников. Однако, стремясь придать устной традиции статус архивных документов, исследователи упустили из виду тот факт, что ее также можно рассматривать как исторический памятник. Ведь в доколониальную эпоху придворный гриот в Западной Африке выполнял функции самого настоящего историка.

В 60-е годы нашего столетия, когда в изучении устных источников стали применять классические методы критического анализа, африканская историческая наука претерпела значительные изменения. Стремление доказать скептикам правомерность африканской концепции истории привело к утверждению, что устная информация (при условии, что преемственность политической структуры гарантирует ее передачу) может считаться столь же достоверной, как и письменный документ.

Сегодня африканские ученые проявляют живой интерес к истории общества, а с недавних пор и к истории философии. Они все пристальнее вглядываются в «микроисторию», помогая нам по достоинству оценить письменные свидетельства, сохранившиеся в африканских обществах. Они создавались на протяжении веков, с тех пор как мусульмане принесли сюда арабский алфавит, прочно вошедший в жизнь и культуру народов Сахеля.

Здесь, как и повсюду на континенте, африканцы рассказывают, поют, разыгрывают в лицах, рисуют и вырезают в дереве свою историю. Как и у всех других народов, у них есть свое прошлое, свои исторические сказания, в которых достоверность всегда сочеталась с мастерством изложения, благодаря чему они дожили до нашего времени и, по-видимому, сохранятся и в будущих поколениях. Так рождается подлинная история Африки, которая непременно займет достойное место в истории человечества.

Давайте признаем вклад черной расы. Египетская цивилизация была не просто африканской, она была негритянской, как, возможно, была негритянкой и прамактерь Ева. К смешанной культуре принадлежали и Блаженный Августин, и множество образованных людей и мыслителей после него. Сегодня мы можем объективно оценить африканскую историю и историографию.

Академическая наука, еще вчера признававшая только письменное слово, сегодня вынуждена согласиться, что это не единственно достоверный источник, что устные свидетельства имеют свои проверенные временем критерии и свою логику трактовки событий. Нельзя сдавать их в архив, они ждут исследователей и готовы раскрыть им свои тайны. ■

**БОГУМИЛ
ЕВСИВИЦКИЙ,**
профессор истории в
университете Лаваль
(Канада).
Автор публикации
«African Historiographies:
What History for Which
Africa?» (Sage Publications,
London, 1986).

В. И. МУДИМБЕ,
историк из Заира;
профессор
Дюкского университета
(США), где преподает
романские языки и сравнительную литературу. В
1988 г. вышла его работа
«The Invention of Africa».

Ликвидировать «белые пятна»

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН

СЛУЧИЛОСЬ так, что в СССР замалчивались целые периоды не только отечественной, но и мировой истории. Они не то чтобы фальсифицировались, нет, их просто как бы не существовало. На их месте зияли «белые пятна». Например, такие большевики, как Бухарин, Зиновьев, Троцкий и другие, подвергшиеся репрессиям, были буквально вычеркнуты из прошлого. Поэтому сегодня в публикациях биографических материалов наблюдается настоящий бум. Выброшена на свалку сталинская теория коллективизации сельского хозяйства и индустриализации. В результате учебным заведениям пришлось отказаться от проведения экзаменов по истории ввиду отсутствия новых учебников. Вместо лекций по истории КПСС, научному коммунизму и политической экономии социализма сегодня студенты слушают курсы по истории общественной мысли и политике XX в.

Ведется работа по созданию новых учебников. Один авторский коллектив подготавливает «Очерки по истории партии», другой — разрабатывает учебник по истории СССР. Сам я также принимаю участие в работе над «Всемирной историей» (область моих исследований — Франция, Италия, Испания, Швейцария и Бельгия).

Историческая наука сегодня интенсивно развивается. На одном крыле — настроенная оппозиционно к официальной догматической науке, по крайней мере в интеллектуальном отношении, профессура; на другом — нетерпеливая молодежь: молодые ученые, вузовские преподаватели, аспиранты, студенты. При этом приверженцев крайне левых или крайне правых взглядов я бы выделил в отдельные группы. Посередине же находимся мы, кому 50—55 лет. Мы стремимся к тому, чтобы дело изучения подлинной нашей истории сдвинулось с места.

Возьмем для примера Французскую революцию. Еще пять лет назад из ее истории изучали в основном только период террора. Считалось, что подлинная революция без террора невозможна; таким образом оправдывался терроризм. Мало говорилось при этом о

ее умеренных лидерах, о сути термидора, кумиром был Робеспьер. В 1989 г. по случаю 200-летия Великой французской революции удалось сделать нечто большее, ликвидировать ряд «белых пятен»: была выпущена серия книг (среди них — «Французская революция и Россия», подаренная М. С. Горбачевым Президенту Франции Ф. Миттерану в начале июня 1989 г.), в которых дается объективный анализ всех аспектов этой эпохи. Появились подобные издания об английской и американской революциях. У меня тоже есть статьи, где я провожу сравнительное исследование этих трех революций и Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще недавно на многие слова и имена в обществе существовало табу: конвергенция, ГУЛАГ, академик Сахаров... Происходило это по причинам отнюдь не исторического, а

Вверху: праздничная демонстрация на Красной площади 1 мая 1929 г.; на правительственной трибуне крайний слева — Бухарин. Ниже: статьи о Троцком, появившиеся в последнее время в советской прессе.

Члены президиума
Первого съезда Советов
(1922). Вверху слева —
Зиновьев.

скорее сугубо политического характера. Теперь люди не боятся называть вещи своими именами, выражать различные мнения. Показное единогласие исчезло, уступив место плюрализму мнений и демократии. За пять лет все изменилось.

Конечно, существуют консервативные силы, сдерживающие этот порыв. Но если взять, к примеру, то учебное заведение, в котором преподаю я, то динамика совершенно очевидна. Работа у нас ведется по двум направлениям: обучение и научные исследования. Наши слушатели формируются в условиях перемен. И это общее явление.

«Вы — историки, вам решать»

Запреты на публикации сняты, однако такое положение существует только два года, поэтому новых учебников пока не создано. В то же время в периодических изданиях и исторических журналах печатается огромное количество статей. Впрочем, не во всех. Некоторые старые редакторы журналов и газет все еще ждут команд, инструкций Центрального Комитета, а аппарат хранит молчание. Еще бы! Горбачев же сказал: «Никаких указаний. Вы — историки, вам решать».

Чтобы заполнить «белые пятна» архивов, не обойтись без некоего запрещенных материалов. Это так называемые «спецхраны», «спецфонды», «спецдокументация». Сейчас публикуется все. Скажем, «Учительская газета» напечатала мою статью о крупнейшем реформаторе начала века Петре Столыпине, который пытался осуществить реформу сельского хозяйства, но был убит консерваторами. Многие читатели впервые увидели в этом номере газеты фотографию Столыпина.

Задача создания всеобъемлющей исторической картины требует использования всех архивов, всех источников. Проблема заключается в том, чтобы сломить сопротивление старых архивистов, закоснелых бюрократов, всеми силами пытающихся сохранить свою власть. Однако вопреки расхожим домыслам архивы не закрыты. Вы можете в них пойти и потребовать нужный вам материал. Официально разрешен доступ ко всем архивам, даже партийным. Кстати, в них сейчас полно американцев и японцев. Под Москвой находится Госфильмофонд, где однажды я беспре-

Петр Аркадьевич
Столыпин (1862—1911).

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН,
советский историк;
преподаватель
Дипломатической
академии
в Москве, специалист
по истории Франции и
франко-советских
отношений,
автор ряда исследований,
посвященных
наполеоновским войнам
и отношениям Франции
и России в XIX в.

пятственно просмотрел массу кинодокументов; на их основе были созданы два документальных фильма — «Другие и Сталин» и «Конвертируемый рубль НЭПа» (в обоих фильмах я выступаю научным консультантом).

Как сделать историю научной?

Я не сторонник того, чтобы срочно создавать курс истории, предназначенный абсолютно для всех. Нужна длительная и постоянная работа. Так, к 200-летию Великой французской революции мы издали упомянутую выше «Французскую революцию и Россию», авторский коллектив которой на одну треть состоял из французов. Этот испытанный принцип был применен и в недавно вышедшей в свет книге «50/50. Опыт словаря нового мышления»¹, где два автора высказывают свою точку зрения на одну и ту же проблему (в данном случае один советский, другой — французский). Таким образом вырабатываются научные критерии без акцентирования идеологии. Но как же сделать историю научной? Ведь некоторые проблемы имеют непосредственный выход на идеологию и политику.

На мой взгляд, задача историков состоит не в том, чтобы все объяснять, а в том, чтобы восстанавливать подлинные события. Пока еще, к сожалению, нельзя сказать, что мы располагаем подлинно научной историей. Но мы стремимся к этому. В обществе изменилось само отношение к гуманитариям. Диктат технократов ушел в прошлое. Когда я был студентом, я не хвалился тем, что учусь на историческом факультете Московского университета. Иногда даже выдавал себя за будущего инженера или физика. Сейчас пришло время историков. К нам, историкам, обращаются сегодня и советские, и зарубежные средства массовой информации — телевидение, пресса, радио. Я дал уже около сотни интервью корреспондентам многих газет практически со всего света.

Замечу, что коммунисты зарубежных стран, в частности стран «третьего мира», не один год довольствовались официальным вариантом советской истории. Перемены в нашей стране выбили их из колеи. Для них мы долгое время были образцом, неким подобием рая земного. Такое представление оказалось ложным. Оно, кстати, значительно пошатнулось уже более тридцати лет назад, после XX съезда КПСС и доклада Хрущева о Сталине. Сегодня мы стали более открытыми, охотно вступаем в дискуссии, стараемся опираться на факты. Но не для всех товарищей в братских партиях других стран это привычно.

Действительно, мировому коммунистическому движению мало знаком плюрализм мнений, который, на мой взгляд, был широко распространен при Ленине. С приходом к власти Сталина дискуссии прекратились. Вот почему сегодня так много людей в нашей стране не могут сориентироваться в текущих событиях. Например, во время недавней поездки по Дальнему Востоку я убедился в том, что люди зачастую не понимают процессов, происходящих в Москве и Ленинграде. Для того чтобы помочь им в этом, необходимо время, и мы должны это осознавать. ■

1. 50/50. Опыт словаря нового мышления. Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М., Прогресс/Пайо, 1989.

Нептун и квазар

Ученым придется потратить годы на изучение всего объема информации, переданной американским космическим аппаратом «Вояджер-2», находившемся в августе 1989 г. вблизи Нептуна. Преодолев за 12 лет 4,5 млрд км, «Вояджер-2» обнаружил 6 новых спутников Нептуна, а также 3 кольца вокруг этой удаленной от Земли планеты. Это было его последним сообщением перед тем, как отправиться в дальнейшее путешествие по Галактике. Другим успехом американских астрономов в 1989 г. явилось открытие наиболее древнего и самого удаленного из известных нам космических объектов — квазара, находящегося на расстоянии 14 млрд световых лет от Земли.

Здоровье и изменения климата

Происходящее, по мнению многих ученых, вследствие парникового эффекта глобальное потепление сопровождается распространением некоторых болезней, одновременно снижается способность организма бороться с ними. К такому заключению пришли специалисты, принимавшие участие в конференции, посвященной проблемам всеобщего изменения климата и здоровья, состоявшейся в декабре 1989 г. в Вашингтоне. Один из выступавших говорил, что следует быть готовыми к нашествиям паразитов — разносчиков инфекций, другой подчеркивал, что воздействие ультрафиолетового излучения, усиливающегося в связи с истощением озонового слоя, может привести к изменению иммунной системы и вызвать некоторые виды раковых заболеваний.

Усталость от самопожертвования

У американских врачей и работников социальных служб

появился новый термин, обозначающий явление, из-за которого, по их мнению, уменьшаются их ряды, — «усталость от самопожертвования». «Ею страдает по крайней мере 20% медицинского персонала», — заявила на недавно состоявшейся конференции сотрудников служб социального обеспечения доктор Миллер, возглавляющая в Бостоне Институт биологических проблем. Этим заболеванием поражены люди, которые берут на себя слишком большую часть чужих проблем, а на свои у них не остается ни времени, ни сил. В результате они чувствуют себя расстроенными и подавленными, появляются признаки переутомления: головные боли, ломота в спине, раздражительность.

Уязвимое место тараканов

Химики Университета Вашингтон в Сент-Луисе (США) сделали открытие, которое, возможно, позволит изобрести новое средство борьбы с тараканами. С помощью ядерного магнитного резонанса (ЯМР) они определили у насекомого центр, вырабатывающий химические вещества, из которых образуется кожа и кутикула. Ученые надеются создать вещество, которое воспрепятствует образованию кутикулы.

Пионер абстракционизма

С 22 ноября 1989 г. по 25 февраля 1990 г. в Музее современного искусства в Париже проходила ретроспективная выставка художника Франтишека Купки (1871—1957). Экспозиция была подготовлена пражской Национальной галереей. В творчестве Купки, принадлежащего двум

столетиям и трем столицам (Праге, Вене и Парижу), яркая живописность сочетается со стремлением подчеркнуть геометрическую конструкцию. Он иллюстрировал труд французского географа и социолога Жана Элизе Реклю «Земля и люди. Всеобщая география» и создал удивительную, словно навеянную галлюцинациями картину «Космическая весна». Рационализм не мешал художнику увлекаться спиритизмом.

Экология Африки: сигнал тревоги

Африканский банк развития (BAD) бьет тревогу. В тропической Африке из-за распахивания земель в сельскохозяйственных целях ежегодно исчезает примерно 225 тыс. га густых и весьма продуктивных лесов. Более того, каждый год 635 тыс. га лесов вырубается для заготовки твердой древесины и фанеры. Это приводит к сокращению растительного покрова и потере запасов топлива. Кроме того, Африке грозит химическое заражение грунтовых вод в результате чрезмерного употребления удобрений и пестицидов, а также загрязнения воды и воздуха в городах, где проживает около 32% населения.

Древняя металлургия Западной Африки

Удастся ли открыть секрет бронзовой скульптуры Бенина, одного из выдающихся достижений африканского искусства? Исследования, проведенные Британским музеем и Университетом Торонто, подтвердили местное происхождение скульптур, состав материала (медь, свинец, олово) и технику их изготовления. В Руанде археологи обнаружили печи

для выплавки металла, датируемые 8 в. до н. э., а в Западной Африке обработкой металла начали заниматься двумя столетиями раньше.

Границы наших знаний

Скоро Страсбург станет местом пребывания Постоянного секретариата международной программы «Границы человеческого знания», цель которой — проникнуть в тайны деятельности мозга и генетики. На первом этапе программа будет на 90% финансироваться Японией. Начиная с 1986 г. эта страна выдвигала идею создания международной программы, цель которой — раздвинуть границы нашего познания. Она официально выступила с этим предложением на совещании глав семи ведущих индустриальных стран в Венеции.

Успех генетики

Группе французских, югославских и американских исследователей удалось сделать то, что еще совсем недавно казалось невозможным, — соединить две бактерии с различным сочетанием ДНК. Это означает, что можно соединять гены, принадлежащие к различным видам, что в результате даст жизнь новым протеинам. Авторы открытия получили международный патент на свое изобретение. Опыт проводился с соблюдением мер максимальной предосторожности. Однако в будущем другие ученые могут оказаться менее щепетильными, поэтому представляется необходимым создание международной комиссии, обладающей правом осуществлять контроль за экспериментами, особенно в такой области, как генетика.

КОШМАРЫ АРХИВИСТА

МИШЕЛЬ МЕЛО

ГЕРОЙ фильма «Фотоувеличение» («Blow-Up»), желая открыть тайну, многократно увеличивает заинтересовавшую его деталь фотографии. В названии фильма заключена игра слов¹, ибо, увеличивая изображение, он разрушает его. В итоге перед ним оказываются лишь мириады частиц соли серебра. Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес пошел еще дальше, изобразив в одном из своих произведений группу географов, которые во что бы то ни стало хотели составить максимально точную карту своей страны. В результате они остановились на масштабе 1:1.

Совершенно очевидно, что это — чистое безумие, да и сама ситуация настолько абсурдна, что никому из читателей не приходит в голову, что такое могло произойти в действительности, однако нас вовсе не удивляет, когда историки носятся с такими же утопическими идеями.

Считается, что современные архивы собирают, хранят и классифи-

цируют «все документы, выпускаемые в ходе деятельности учреждений» и обеспечивают доступ к ним. Представляете? Мерилом истории становится километраж стеллажей.

В Париже в Национальную библиотеку ежедневно поступает 5 тыс. различных периодических изданий. Никто никогда не подсчитывал, какова вероятность обращения к какому-нибудь из них, но, видимо, цифра была бы убийственно низкой. «Кощунство!» — кричат библиотекари, демонстрируя свою причастность к святыне. И затем неизменно следует один и тот же убийственный аргумент: «Если есть хотя бы один шанс из миллиарда, что кому-то из историков в будущем потребуется один из этих документов, их следует сохранять».

Ох уж эти «историки будущего» — лицемерное оправдание наших фантазий, лекарство от всех сомнений! Из-за какого-то мифического «историка будущего» мы взвалили на себя непосильную задачу, бесконечную маниакальную работу по сбору и

классификации никому не нужных материалов, занявшись, как в кошмарном сне, тотальной консервацией истории, которую почему-то нужно оберегать как исчезающий вид, пытаясь остановить летящее время.

Дело даже не в постоянно растущем количестве документов, а в определении критериев их отбора для сохранения. Однако, оправившись от первого шока, вызванного знакомством с функциями архивов (столь широкими, что они являются причиной разрушения самих архивов), займемся теперь рассмотрением удивительного порядка хранения, согласно которому Национальная библиотека обязательно получает экземпляр каждой книги, каждого периодического издания и другой печатной продукции, выпускаемой в стране. Бог с ними, с книгами: они занимают мало места, к тому же, если требования библиотечных работников будут удовлетворены и штат хранителей возрастет еще на несколько десятков тысяч человек, эта проблема вообще отпадет.

Но вот афиши... Все расклеиваемые во Франции рекламные объявления подлежат обязательному хранению. Ограничимся рекламами, распространяемыми по всей стране (это афиши большого формата). В Национальную библиотеку их обычно присылают по шестнадцать штук (каждая сложена в четыре раза). Счет здесь идет на кубометры, причем никто никогда не удосуживается вернуть ни одного экземпляра. Впрочем, из-за плохого качества бумаги это и не безопасно. Но даже если они каталогизированы, доступ к ним невозможен (какой стол, какой стеллаж потребовался бы, чтобы разложить на нем афишу, предназначенную для фасада здания?), к тому же афишная бумага очень непрочна, поэтому они так и лежат в сложенном виде, пока не придут в негодность.

В Национальной библиотеке их складывают в огромные стопки. Я сам не раз с тяжелым сердцем занимался этой работой, спрашивая себя, зачем я это делаю. «Почему бы тогда, — думал я, — не собирать и другие

рекламные объявления, написанные прямо на стенах, на металлических листах или выполненные из полистирола? Почему нас интересуют только афиши?» Ответ прост: их можно сложить в четыре раза и навалить друг на друга, а с металлическими листами этого не сделаешь. Вот и все, на что годятся афиши. По крайней мере сотрудники библиотеки при деле.

Не думайте, что я преувеличиваю или хочу высмеять французских чиновников. Я был в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, в Библиотеке конгресса в Вашингтоне, в Национальной парламентской библиотеке в Токио и везде задавал один и тот же вопрос: «Что вы делаете с афишами?» И повсюду слышал в ответ: «Складываем их штабелями».

Но если мы когда-нибудь решим проблему с афишами и фотографиями, на смену им придут фотокопии и продукция «настольных типографий», ведь уже сегодня каждый может иметь такую дома. Однажды я видел уличного торговца, который продавал флаконы с жидкостью, позволяющей нанести любое печатное изображение (например, сценки из комиксов) на любую поверхность, даже на майки. Отметив про себя, что этот человек открыто нарушает авторское право, я подумал, не следует ли обязать каждого покупателя сдавать по одному экземпляру майки в Национальную библиотеку, находящуюся, кстати, буквально за углом.

Цветные фотографии ставят перед нами проблему технического характера: со временем они блекнут.

Есть только один выход, доступный, к сожалению, лишь наиболее богатым музеям, — делать цветоделенные диапозитивы. Такое решение позволяет убить сразу двух зайцев, ибо, систематически делая отпечатки со всех имеющихся в мире слайдов, мы не только сохраняем, но и одновременно каталогизируем их.

Не будем упускать из виду и вопросы, связанные с сохранением

что ссылка на пресловутого «историка будущего» — всего лишь уловка, оправдывающая нашу манию, встает вопрос, зачем вообще нужны все эти материалы?

Ответ чрезвычайно прост. Существуют лишь две причины, по которым большинство людей посещает государственные архивы. Туда приходят заглянуть в книгу записей актов гражданского состояния, чтобы разо-

рые соответствуют рыночной экономике, видящей в них символ своего всеобщего узаконения? Считая, что наше выживание зависит от производства предметов, которые мы сделали основой жизни общества, мы в то же время делаем вид, будто верим, что знание тоже зиждется на них. Этим объясняется мистический ужас, охватывающий нас при мысли, что можно допустить их исчезновение. Это — своего рода культ предков, где литанией служат каталоги и реестры.

Я понимаю, что страсть к сохранению предметов возрастает, чтоagma, по мере того как она становится смехотворной и безумной, не ослабевает, а, напротив, все больше укрепляется, об этом свидетельствует появление экомузеев и природных заповедников, использование частных архивов, охрана исторических достопримечательностей и целых городов, а также рост числа самых разных музеев. Получаемое от этого удовлетворение пропорционально тому сожалению, которое возникает у нас в связи с массовым разрушением других объектов, обусловленным не столько войнами, сколько безудержной урбанизацией, индустриализацией сельских районов, перераспределением земель, строительством автодорог и использованием источников энергии.

Здесь можно вспомнить феномен сообщающихся сосудов: чем больше мы поклоняемся предметам и сохраняем их, тем больше по чисто экономическим причинам разрушаем другие. Да и сами предметы становятся разрушителями ландшафта, образа жизни и верований. По мере того как все убыстряется обновление ассортимента, призванное стимулировать потребление, все короче становится цикл жизни предметов. Некоторые даже заявляют, что срок эксплуатации стозэтажного небоскреба не должен превышать десяти лет. Как же тут не удивляться: ведь в это же самое время мы ценой неимоверных усилий пытаемся навеки сохранить старый камин. ■

программного обеспечения. Казалось бы, нет ничего проще, чем хранить магнитофонную ленту или дискет, и это действительно так. Однако к старым дискетам нужны еще и компьютеры, для которых они изготавливались. Но их поколения очень быстро сменяют друг друга. Может, тогда обязать создателей компьютеров сдавать все образцы на хранение и постоянно поддерживать их в рабочем состоянии?

Нельзя не упомянуть о новой технике, о выполненных цифровыми методами фотографиях, которые передаются с помощью электроники, и о принтерах четвертого поколения, типографские возможности которых являются частью программы, управляющей лазером.

Будет ли конец этому безумию? Должен же в этом засасывающем болоте остаться хоть один островок твердой земли! Давайте же наконец решим, что нам действительно нужно хранить, ведь абсолютно ясно, что сохранить все невозможно. Ответ может быть только один: предметы. Всякий предмет подлежит хранению, и только предметы могут сохранять-ся. Но поскольку мы уже выяснили,

браться в собственной родне, либо получить справку по описи земельных владений, чтобы установить право собственности. Похоже, что лишь такого рода архивы действительно нужны обществу. Доказательством тому служит тот факт, что во время всех революций и мятежей одной из первых акций восставших является уничтожение в архивах всех документов, касающихся прав собственности. А в промежутках между революциями уцелевшие архивы вообще никого, кроме историков, не интересуют.

Спрашивается, как же «утилитарная» функция хранения, вызывающая приступы пиромании у революционеров, превратилась в священную «культурную» миссию, столь необходимую историкам?

Происхождение идеи сохранения предметов можно легко проследить: она восходит к культуре реликвий, хранению регалий, подтверждающих законность королевской власти, и вообще к сбору всего, что касается собственности. Но разве в наш век производимые обществом предметы не стали тоже своего рода регалиями, теми новыми реликвиями, кото-

МИШЕЛЬ МЕЛО,
французский писатель;
вице-президент
Высшего совета библиотек.
В 1983—1989 гг. был директором
публичной библиотеки
Центра Жоржа Помпиду
в Париже.

ПАРИЖСКИЕ ДНИ ТАХИ ХУСЕЙНА

ШАРБЕЛЬ ДАГЕР

ОТЕЛЬ «Бовуар» по-прежнему стоит на своем месте, напротив Клозери де Лиля. По обе стороны от входной двери — по окну. Я предлагаю Му'несу встать сначала у правого, потом у левого окна. Но как сфотографировать того, кого нет?

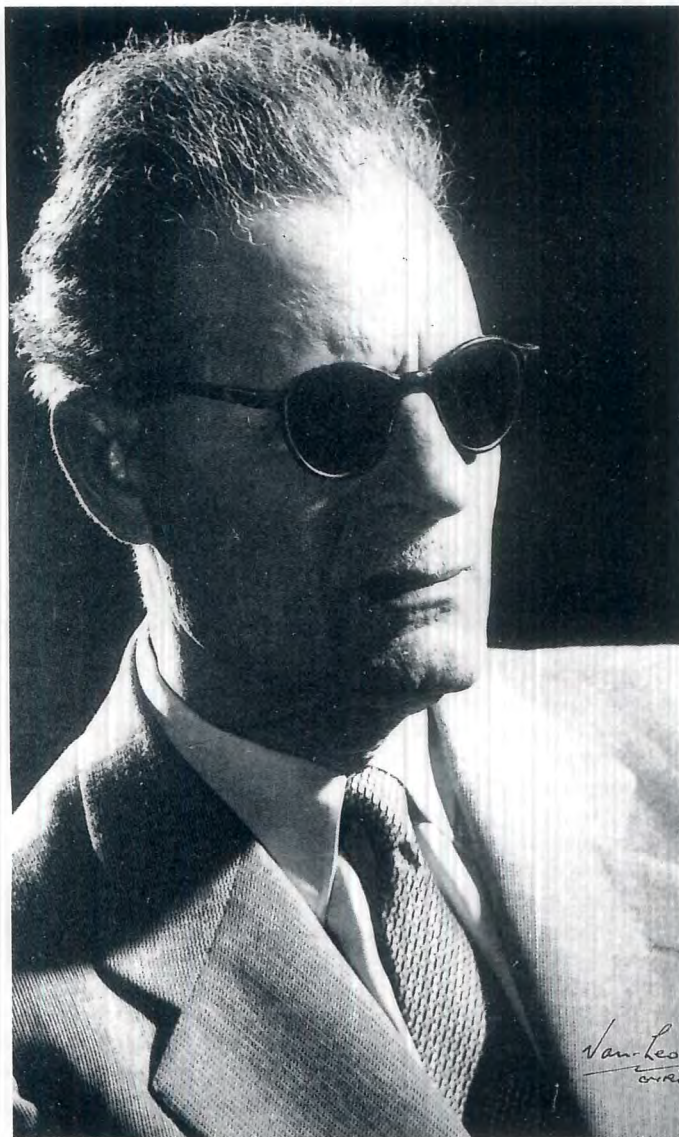
Каково же было мое изумление, когда на одной из проявленных пленок на стене отеля я заметил TAX — первые буквы имени отца Му'неса. А вдали — вытянутую тень человека в очках, которого нельзя не узнать. Это — живая память о том, кого уже нет.

Вместе с Му'несом я бродил по Парижу, по следам его отца. В тот год исполнилось 100 лет со дня рождения Тахи Хусейна (1889—1973), отца современной арабской литературы.

Париж все тот же. Поиски примет того времени, когда здесь жил Хусейн, превращаются в увлекательную прогулку. Но сначала нужно сделать крюк в Монпелье. Здесь-то все и началось. Таха Хусейн, стипендиат египетского правительства, приехал сюда незадолго до начала первой мировой войны. Почему в Монпелье? Му'нес рассказывает: «Может быть, потому, что здесь, в провинции, для студента было меньше искушений, чем в Париже. А может, отсюда просто ближе до Средиземноморья, и считалось, что египетским студентам здесь легче адаптироваться. Я никогда не спрашивал об этом отца. Он начал изучать французский, скорее даже совершенствоваться в нем. Основами языка он уже овладел в Каирском университете, где преподавался краткий курс французского».

ВСТРЕЧА

Началась война. Немцы бомбили Париж. Подобно многим французам, семья Бриссо решила укрыться в провинции и обосновалась в Монпелье. Сюзанне Бриссо, готовившейся к вступительным экзаменам в женскую

Эколь Нормаль Сьюперьер в Севре, пришлось прервать занятия и приехать в Монпелье. «Как всякий слепой и как человек, еще только осваивающий французский язык, отец нуждался в помощи, ему нужен был кто-то, кто бы читал ему вслух, — продолжает Му'нес. — Он дал объявление в местной газете; на него отозвалась Сюзанна. Она не только читала вслух, она сопровождала его на лекции на филологический факультет, а затем в Сорбонну, куда они ходили пешком, взявшись за руки».

Сегодня мы с Му'несом повторяем этот маршрут. Тоже пешком. В нескольких шагах бульвар Сен-Мишель. Когда-то юная пара останавли-

валась перед памятником двум химикам — Пеллетье и Кавенту, положившим начало борьбе с тропическими болезнями. Той статуи больше нет, но памятник остался, только теперь он не бронзовый, а каменный и вместо фигур ученых — два медальона с их изображениями. А дальше старый маршрут выводит нас к Центру египетской культуры.

Когда война окончилась, Бриссо вернулись в свою парижскую квартиру, а молодой Таха Хусейн приехал в Париж, чтобы продолжить образование в Сорбонне. Тогда ничто не предвещало счастливой развязки.

«Родители матери, — рассказывает Му'нес, — были в ужасе от

одной мысли, что их дочь выйдет замуж за студента-египтянина: небогатого, мусульманина, к тому же слепого. Но она стояла на своем. Наконец один ее дядя, культурный и просвещенный аббат, не выдержал. По просьбе бабушки он пригласил моего отца встретиться с глазу на глаз. Проговорили целый час. Потом пошли пройтись; мой двоюродный дед вел отца за руку и болтал с ним о всякой всячине. Вернувшись, он сказал сестре: «Не волнуйся, мне кажется, нужно не противиться этому браку, а радоваться: этот молодой человек — гений». Сюзанна давно поняла это. Они поженились 2 августа 1917 г.

диалоги

Через пять лет студент в черных очках стал лицензиатом, защитил диплом по Тациту, получил звание кандидата наук, затем доктора, защитив диссертацию по Ибн Хальду-ну, прекрасно владел греческим и латинским языками. Таха Хусейн на всю жизнь сохранил бесконечное восхищение своими учителями: исследователем эпохи эллинизма Блохом и знатоком латыни и римской истории Сеньобосом. Кроме того, он слушал лекции Бергсона в Коллеж де Франс, этнографа и психолога Леви-Брюля и востоковеда Массиньона, которого глубоко уважал.

Он встречался с французскими писателями: Арагоном, Жюлем Роменом и Андре Жидом. Его знакомство с Жидом произошло в Каире вскоре после войны. Завязались дружеские отношения, началась переписка. Восхищение было взаимным: Хусейн перевел «Недоприкованного Прометей» (1899) и «Тезея» (1946), а Жид написал предисловие к большому автобиографическому роману Тахи Хусейна «Дни», переведенному на французский язык.

Но самая долгая и глубокая

дружба связала его с Этьемблем. В 1942 г. Таха Хусейн, как ректор Александрийского университета, обратился к Этьемблю, жившему тогда в Соединенных Штатах, с предложением возглавить отделение французской культуры. Приехав в Каир в 1944 г., Этьембль пробыл там четыре года и оставался другом Тахи Хусейна до самой его смерти.

Будучи студентом, молодоженом, затем каирским профессором, знаменитым писателем, а впоследствии министром, Таха Хусейн всегда возвращался в Париж, во Францию, проводил отпуск то в Альпах, то в Пиренеях.

«Он любил Францию, — вспоминает Му'нес, — он испытывал к ней нежность. Ему импонировал французский дух, а не галльский характер. Его забавляли задор шансонье, их политические намеки. Я часто водил его в бистро выпить рюмочку: ему нравилось слушать разговоры. Он хорошо смеялся. У него был добрый смех. Так умеют смеяться только египтяне. Дома мы всегда говорили по-

французски. Моя мать так толком и не выучила арабский. Правда, она могла объясниться в магазине и в каких-то повседневных жизненных ситуациях, но мне кажется, что отцу нравилось говорить дома по-французски. На этом языке он писал статьи, читал лекции, но делал это не столько из личного пристрастия, сколько уступая многочисленным просьбам. Думал и чувствовал он на родном, арабском, и только потом переводил свои мысли на другой язык».

ТЕСНЫЕ УЗЫ

Как Хуссейн Фавзи (1905—1988), жена которого, также француженка, держала антикварную лавку на улице Эколь, как Камаль Хусейн и Тавфик аль-Хаким и многие другие, менее известные египетские интеллигенты, Таха Хусейн шел по пути, проложенному Тахтави (1801—1873), первым египетским писателем, приехавшим во Францию, чтобы получить образование.

Во времена владычества англи-

чан французская культура была для Египта идеалом. Воспринял его и Таха Хусейн, развивая критический метод Сент-Бёва и искусство рассказчика Мопассана. Несмотря на свою слепоту и скромное социальное положение, этот человек, борющийся против любых форм конформизма, сумел найти орудие избавления. Творчество стало для него катарсисом, актом возвышения и самоутверждения. Однако теснейшая связь с Францией и ее культурой чуть было не прервалась в 1956 г. Таха Хусейн не мог простить ей военного вмешательства в Суэцкий конфликт. Нет, он не был наивен, он достаточно хорошо разбирался в политике и всегда безжалостно критиковал французский колониализм. Но вторгнуться в Египет!

«Если не возражаете, давайте на этом остановимся, — говорит вдруг Му'нес. — Между отцом и дочерью, сыном и матерью всегда есть родство душ. И мы не были исключением. Я знаю, он очень любил меня. Мы никогда не ссорились. А могли бы,

если бы я попытался выдвинуться в арабской литературе. Но я никогда не брал на себя смелость писать на арабском, тем более будучи сыном Тахи Хусейна».

Последние лучи солнца освещают Париж, закат делает его похожим на разноцветную палитру. Свет и тень борются и соприкасаются.

Прогулка окончена. ■

Библиография произведений Тахи Хусейна на языках народов СССР

Таха Хусейн Дни моего життя. — Киев, 1979.
Taha Hussain Dijas sauciens. — Riga, 1969.
Таха Хусейн Дни. — Москва, 1958.
Таха Хусейн Зов горлицы. — Москва, 1961.
Таха Хусейн Нидо. — Ташкент, 1976.

ШАРБЕЛЬ ДАГЕР,
ливанский писатель и журналист. Перевел на арабский «Переписку» Рембо (1986), опубликовал ряд работ, в частности «Poétique arabe moderne» (1988) и «Miettes du blanc» (1981).

Т О Ч К А З Р Е Н И Я

ЮНЕСКО ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

Тридцать молодых людей из двадцати трех стран приняли участие в семинаре, посвященном ЮНЕСКО и ее деятельности, который проходил в Париже 2—13 октября 1989 г. (см. врезку на с. 50). Ниже помещены отрывки из письма, направленного ими Генеральному директору ЮНЕСКО Федерико Майору.

За эти две недели нам представилась возможность глубже познакомиться с ЮНЕСКО. Несомненно, наша работа в различных молодежных организациях от этого значительно выиграет. Подводя итоги семинара, мы хотели бы поделиться с Вами нашими впечатлениями об Организации.

Межправительственная организация. Согласно своему статусу, ЮНЕСКО объединяет большое число государств и является важным связующим звеном, необходимым для диалога, обмена идеями и информацией в соответствии с задачами, определенными ее Уставом. Однако столь обширное поле деятельности и разнородность состава участников предполагают создание некоего бюрократического аппарата, исполняющего роль посредника между различными сторонами. Нам кажется, что существует опасность отрыва чиновников Секретариата от непосредственных нужд государств — членов ЮНЕСКО. Поэтому мы считаем необходимым сохранение и

поддержание теснейших контактов Организации с народами этих стран.

Нейтралитет. Даже ради достижения поставленных перед ней целей ЮНЕСКО не может вмешиваться в дела входящих в нее государств. Но нам кажется, что этот нейтралитет не должен препятствовать выражению протеста в тех случаях, когда идеалы ЮНЕСКО не уважаются страной-участницей. Чтобы сохранить всеобщее доверие, особенно со стороны угнетенных народов, важно, чтобы ЮНЕСКО и впредь была проводником идей, указывающих путь к гуманному и справедливому обществу, сохраняя свою независимость от любых колебаний в мировой политике.

Обязательства государств-членов. Принятые ЮНЕСКО решения не всегда выполняются государствами-членами; мы бы хотели, чтобы они брали на себя обязательства и выполняли их с той же готовностью, что и сотрудники Секретариата, в

частности проявляли бы активность в деле воспитания всеобщего уважения прав человека. Хотелось бы иметь более последовательную и строгую оценку достижений государств — членов ЮНЕСКО в рамках программ, разработанных ее экспертами.

Перспективы на будущее. Перед ЮНЕСКО стоят огромные задачи, определенные Уставом организации; ее программы всеобъемлющи. Поэтому существует опасность распыления. Некоторые из нас считают, что ЮНЕСКО следует сосредоточиться на более конкретных задачах, другие полагают, что все цели, стоящие перед ЮНЕСКО, достаточно важны. В любом случае нужно стремиться к большей эффективности, укрепляя сотрудничество с неправительственными организациями, обладающими мощным потенциалом.

Молодежь. ЮНЕСКО является международной организацией, в которой молодежь имеет право голоса и возможность высказаться. Однако в

большинстве своем молодые люди просто не знают, что существует международная организация, интересующаяся их проблемами. Мы бы хотели, чтобы молодежь всех стран получала более широкую информацию о деятельности ЮНЕСКО, непосредственно касающейся ее; чтобы между нами и Организацией установился постоянный контакт. Наконец, хотелось бы, чтобы получили развитие структуры, в рамках которых молодежь могла бы действовать на региональном, национальном и международном уровнях. ЮНЕСКО должна способствовать развитию общественного сознания молодых людей всех стран, чтобы они наконец почувствовали себя гражданами мира.

Информация. ЮНЕСКО играет важную роль в распространении информации: мы хотели бы, чтобы ее многочисленные акции шире освещались средствами коммуникации, чтобы широкая общественность лучше познакомилась с идеалами Организации. Эта информация нужна как раз-

вивающимся, так и развитым странам, поскольку последние также довольно слабо осведомлены о деятельности ЮНЕСКО. Кроме того, мы считаем, что ЮНЕСКО следует более широко публиковать имеющиеся в ее распоряжении документы. Нужно, чтобы люди в любой стране имели к ним доступ.

Мы понимаем, что осуществление этих задач сопряжено с большими трудностями. Но работа эта прекрасна, и за ней будущее. Все мы верим в это и со своей стороны постараемся по мере сил проводить ее в молодежных организациях, представителями которых мы являемся. Мы ценим предоставленную нам возможность участия в этом семинаре. Хотим заверить Вас в нашей искренней признательности и благодарим всех сотрудников ЮНЕСКО за оказанный нам теплый радушный прием.

От группы участников
Таня Огэй
9, шмен де Бургонь,
1260, НИОН,
ШВЕЙЦАРИЯ

Фотографии предоставили:

1-я с. обл.: Launois © Rapho, Paris. 4-я с. обл.: Roland Michaud © Rapho, Paris. С. 2 (слева): © Marie and Pierre Donne, Quebec. С. 3 (справа), 5, 7, 8, 9: © Miroir, Paris. С. 6: © Cahiers du Cinéma, Paris. С. 10: © Réunion des musées nationaux, Louvre, Paris. С. 12, 16, 26—27, 28, 32, 33 (внизу), 34: © Dagli Orti, Paris. С. 14 (слева): Paolo Koch © Rapho, Paris. С. 14 (справа): © J.-L. Nou, Paris. С. 15: © Roger-Viollet, Paris. С. 16—17, 27 (справа): © Jean-Loup Charmet, Paris. С. 18: Jean Mazenod, *L'art grec* © Ed. Citadelles, Paris. С. 19: © Eberhardt Thiem, Lotos Film, Kaufbeuren, RFA. С. 20: © Réunion des musées nationaux, Louvre, Paris. С. 21, 24, 36, 37, 39; © Bibliothèque nationale, Paris. С. 21 (справа): Denman W. Ross Collection. Courtesy Museum of Fine Arts, Boston. С. 22—23: © M. V. Flisseeff. С. 23 (справа): © National Palace Museum, Taipei. С. 25: David Harris © Museum of Israel, Jerusalem. С. 26 (слева): Erich Lessing © Magnum, Paris. С. 29 (вверху, внизу, слева): © Muñoz de Pablos, Paris. С. 29 (внизу справа): Musée de Cluny, Paris. С. 30—31: © Osvaldo Böhm, Italy. С. 33 (вверху): © André Held, Lausanne. С. 35, 38: Roland et Sabrina Michaud © Rapho, Paris. С. 40: Gérard Gasquet © Hoa-Qui, Paris. С. 41: © Almasy, Thoiry, France. С. 42: M. et A. Kirtley © ANA, Paris. С. 43 (вверху), 44 (вверху): © Collection Viollet, Paris. С. 43 (внизу): © APN, Paris. С. 44 (внизу): © Harlingue-Viollet, Paris. С. 46: © Cahiers du Cinéma, Paris. С. 47: Robert Doisneau © Rapho, Paris. С. 48. © Al-Yom Assabah.

Вместе по общему пути

Молодые люди, принявшие участие в семинаре, являются в своих странах лидерами молодежных организаций, членами клубов ЮНЕСКО, в том числе участниками Проекта ассоциированных школ, представителями молодежных секций в Национальных комиссиях по делам ЮНЕСКО. Они представляют 23 страны: Европы — Бельгию, Болгарию, Грецию, Данию, Испанию, Италию, Польшу, Португалию, СССР, Францию, ФРГ, Швейцарию, Югославию; Африки — Бенин, Буркина-Фасо, Заир, Сенегал, Того, Уганду; Латинской Америки — Гаити, Колумбию, Уругвай; арабского Востока — Тунис.

Клубы ЮНЕСКО

объединяют людей всех возрастов и профессий, разделяющих идеалы ЮНЕСКО, желающих способствовать их распространению и связанным с Организацией, в деятельности которой они принимают участие. Являясь постоянно действующими учебными центрами, они играют большую роль в деле просвещения. Их деятельность ширится: в 1989 г. работало 3500 клубов более чем в 100 странах.

Система ассоциированных школ под эгидой ЮНЕСКО

в рамках школьного обучения стремится способствовать международному сотрудничеству и обеспечению мира, соблюдению прав человека и основных гражданских свобод. Она предоставляет уникальные возможности для эксперимента и новаторства в воспитании будущих граждан. Возникший в результате совместных усилий ЮНЕСКО, Национальных комиссий и министерств образования, этот Проект воплощается в жизнь учителями, учащимися и всеми, кто стремится помочь молодежи осознать, что в мире, где все взаимозависимо, страны и народы должны учиться понимать друг друга и работать вместе на благо будущего человечества. В 1989 г. в Проекте участвовали 2300 учебных заведений 98 стран.

Национальные комиссии по делам ЮНЕСКО,

учрежденные государствами-членами для сотрудничества с Организацией, объединяют представителей администрации этих стран и лиц, занимающихся проблемами образования, науки, культуры и информации. Они участвуют в работе ЮНЕСКО с помощью консультативных, посреднических информационных и исполнительных органов, вносят большой вклад в разработку и реализацию ее программ. За последние десять лет национальные комиссии проводили работу в самых разных областях и знакомили широкую общественность с ее результатами, публикуя исследования и обзоры, а также организуя симпозиумы и встречи экспертов по различным программам ЮНЕСКО.

Директор: Бахгат эль-Нади
Главный редактор: Адель Рифаат

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ (Париж)

Ответственный секретарь: Джиллиан Уиткомб
русский яз.: Георгий Зеленин
английский яз.: Рой Мэлкин, Каролин Лоуренс
французский яз.: Ален Левэк, Неда аль-Хазен
испанский яз.: Мигель Лабарка,
Араселья Ортис де Урбина
арабский яз.: Абдель Рашид аль-Садек Мухаммади
Научная информация: Фернандо Аинса
Оформление: Жорж Серва
Иллюстрации: Ариен Бейли
Документация: Виолетт Рингельштайн
(т.: 45.68.46.85)
Связь с национальными редакциями:
Соланж Белен
Секретариат: Анни Браше, Муна Чатта,
Клоди Дюамель
Реализация: Генри Кнобил (т.: 45.68.45.88)
Подборка статей шрифтом Брайля на английском,
французском, испанском и корейском языках:
Мари-Доминик Бурже

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕДАКЦИИ

украинский яз.: Виктор Стельмах (Киев)
немецкий яз.: Вернер Меркль (Берн)
итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)
язык хинди: Ганга Прашад Вимал (Дели)
язык тамил: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
персидский яз.: Садул Ванини (Тегеран)
голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Месра Илгызер (Стамбул)
язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)
каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марти (Барселона)
малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Пак Сен Гиль (Сеул)
язык суахили: Домино Рутазобени (Дар-эс-Салам)
хорватско-сербский, македонский,
сербскохорватский, словенский языки:
Божидар Перкович (Белград)
китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
болгарский яз.: Горан Готев (София)
греческий яз.: Николас Папагеоргиу (Афины)
сингалский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда (Коломбо)
финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
шведский яз.: Манни Кёслер (Стокгольм)
баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)
тайский яз.: Савитри Сувансатхит (Бангкок)
вьетнамский яз.: Зао Тунг (Ханой)
язык пушту: Змарай Мохакки (Кабул)
язык хауса: Халиб аль-Хассан (Сокото)
язык бенгали: Абдулла А. М. Шарофуддин (Дакка)

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется ордена Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

ISSN 0304—3150

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛОВ ЮНЕСКО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Главный редактор: А. Мельников
Заместители главного редактора:
И. Брычев, Д. Фикс

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»

Редактор русского издания: И. Уткина
Редакторы: М. Борисова, О. Гребенюк
Художественное и техническое редактирование:
В. Паленцева

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3,
Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17, т.: 247-18-40.

Ордена Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати.
Зак. 1137.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ КУРСОМ

С 26 по 28 марта с. г. в Москве проходил I Всесоюзный съезд САЮ.

САЮ — это Советская ассоциация клубов ЮНЕСКО.

Съезд принял Декларацию САЮ, утвердил ее Устав и определил основные направления деятельности.

ВЧЕРА

Почти 45 лет существует ЮНЕСКО, и почти столько же — движение в ее поддержку: клубы ЮНЕСКО, центры ЮНЕСКО, ассоциации, группы или кружки ЮНЕСКО.

Первый клуб ЮНЕСКО возник в Японии в 1947 году, когда страна еще не была членом этой международной организации, созданной сразу же после второй мировой войны. Затем в США появилась «группа ЮНЕСКО», а во Франции — ассоциация ЮНЕСКО. И это зародившееся добровольное движение в поддержку целей и задач ЮНЕСКО было, пожалуй, самым веским аргументом в пользу ее создания.

Шли годы, и идея клубов ЮНЕСКО завоевывала все большую популярность в мире: люди начинали осознавать, что в меняющемся мире проблемы, растущие как грибы после дождя, могут быть решены исключительно в результате взаимного понимания. Вот почему и клубы ЮНЕСКО, привлекаящие вначале в основном молодежь: школьников-старшеклассников, студентов, молодых ученых и специалистов, — со временем значительно «повзрослели», привлекая вместе с тем и все более широкие круги общественности.

Понятно, что в ЮНЕСКО довольно скоро смогли оценить всю важность этого набиравшего размах общественного движения. Клубы, работавшие доселе в каждой стране независимо друг от друга, но под патронажем своих национальных комиссий по делам ЮНЕСКО, стали объединяться в национальные федерации, а тут уже рукой было подать до их сплочения в единую международную неправительственную организацию.

Такая организация — Всемирная федерация ассоциаций и клубов ЮНЕСКО (ВФАКЮ) — была создана в 1981 году. Федерико Майор, в ту пору заместитель Генерального директора ЮНЕСКО, выступая на съезде федераций и клубов ЮНЕСКО, принявшем решение об образовании ВФАКЮ, подчеркнул, что впервые международная неправительственная организация создается исключительно в целях служения ЮНЕСКО.

СЕГОДНЯ

И действительно, эти клубы объединили людей, которые живут одними интересами ЮНЕСКО, разделяют те же идеалы, стремятся к единой цели. Есть только два требования, следовать кото-

рым клубы обязаны неукоснительно: их деятельность должна отвечать духу ЮНЕСКО и не должна быть коммерческой по своему характеру.

Конечно, конкретная программа клубов ЮНЕСКО — а их более 3000 почти в 100 странах мира — зависит прежде всего от социального и профессионального состава членов каждого отдельного клуба, их возраста, пристрастий, финансовых возможностей клуба, наконец, местных условий — в самом широком смысле слова.

Но какого рода деятельностью ни занимались бы члены клубов ЮНЕСКО — от участия, например, в мероприятиях Международного года, объявленного ООН, до, скажем, собрания и записывания на магнитофон устного фольклора, — в любом случае они, члены клубов, достигают не только и не столько какого-то конкретного, определенного результата, к которому они стремились, сколько...

Главное, как свидетельствует опыт, люди при этом учатся жить и работать вместе — независимо от своего социального происхождения или национальной принадлежности, вероисповедания, пола или языка, политических убеждений. Своим трудом они создают атмосферу полного доверия и терпимости друг к другу. Все создается лишь с общего согласия и уважения прав каждого отдельного члена клуба, какие бы вопросы ни обсуждались.

В этом и заключается другой, не менее, а быть может, и более важный результат работы клубов ЮНЕСКО: люди постепенно, неназойливо, на практике постигали механизм демократии, пусть и в миниатюре, открывали для себя истинную суть плюрализма.

Понятно, что идеология единомыслия, социально-экономическая стагнация отнюдь не способствовали такого рода деятельности и те ассоциированные школы и клубы ЮНЕСКО, которые вдруг пробивались в нашей стране, как зеленый побег сквозь асфальт, были скорее единичным исключением, чем общим правилом. Тем не менее и новое мышление, и перестроечные процессы неумолимо привели к тому, что летом

1989 года родилась Советская ассоциация клубов ЮНЕСКО — САЮ, — насчитывающая более 80 клубов.

ЗАВТРА

В Декларации САЮ, принятой всесоюзным съездом, подчеркивается, в частности, приоритет процессов гуманизации и развития различных форм интеллектуального и гуманитарного сотрудничества между клубами различной политической, профессиональной и религиозной ориентации, предусматривающих выполнение уставных задач и целей ЮНЕСКО.

Несколько конкретизируют это общее положение программные направления деятельности клубов ЮНЕСКО в СССР:

1. Мир — разоружение — права человека — права народов (воспитание в духе мира, взаимопонимания и сотрудничества; изучение соответствующих документов ЮНЕСКО и ООН; гуманизация межличностных отношений и решение межнациональных проблем; социальные проекты местного и регионального уровней и т. д.).

2. Экологические программы («Черное море», «Голубой Дунай», «Волга», «Балтийский проект»); изучение последствий катастроф на атомных станциях; альтернативные источники энергии и др.).

3. Программа в области культуры (в основном по Всемирному десятилетию развития культуры, а также спасение памятников, возрождение забытых народных традиций; проект ЮНЕСКО «Шелковый путь»; советская программа «Книга — разум человечества» и т. д.).

4. Программа «Международный год грамотности» (в частности, ликвидация экологической и компьютерной неграмотности; преодоление функциональной неграмотности; помощь развивающимся странам в ликвидации неграмотности и т. д.).

5. Программа летних тематических лагерей для клубов ЮНЕСКО (прикладные проекты и их анализ).

6. Программа «Этика и моральные ценности в физическом воспитании и спорте» (раннее развитие у детей духа олимпизма и спортивного благородства).

7. Программа «Лингвапакс» (изучение иностранных языков, как и языков народов СССР, — действенный фактор и инструмент укрепления мира и взаимопонимания).

8. Программа по информации (развитие контактов и сотрудничества в области средств массовой коммуникации).

САЮ активно подключается к деятельности ЮНЕСКО, направленной на создание прочного мира, основанного на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Д. ФИКС

По адресу: 121019 Москва, Проспект Калинина, 9, О. С. Белову, вице-президенту САЮ (тел. — 290.07.69), вам ответят на любой интересующий вас вопрос.

